

Расшифровка интервью

Дата: 16.07.2023

00:00:02

Хорошо, нам сюда, товарищи. [Говорит по телефону] Мы пошли к тете Тоне. Приходи, послушаем, что бабушка... А что? Ну смотри. Ну, понятно. Ну да. [Обращаясь к оператору] Намочите ноги. [Говорит по телефону] Зина, я тебе забыл похвалиться, у меня же вчера крышу сдуло с тисового гаража. Да ты чё? Да-да-да, Зин, да. Ну вот как-то так всё. Ну ладно, всё, давай, пока. [Оператору] Нам направо. Татьяна Валентиновна, ну пройдите там, там... Можете там пройти. Ну вот там стоит вон старенький дом.

00:01:56

Пройду-пройду. Вы мне скажите, где старые дома, где новые? Откуда [нрзб]? Вот здесь вот. Откуда? Где дома старые, где еще 1930-х годов, где уже всё, где 1950-х, где 1960-х?

Ну вот там стоит старенький дом. Вот два старых, вот они два. Красные крыши — это уже новее. Ну так. Это надо по улице идти, а так сзади.

00:02:31

А это что, не улица?

Ну улица. Вон сгоревший старый дом. Когда-то жил дедка-полудница в нем. Интересный был старик. В той, говорит, [нрзб] стариче, дедка-полудница, заложил сетичу. Сеть поставил, он рыбак был заядлый.

00:02:59

Ссылный или нет?

Не знаю, я про него ничего не знаю. Его давно в живых нет. Я еще молодой был, поэтому я о нем ничего не знаю. Я знаю, что у него, я думаю, не последние были золотые червонцы царской чеканки. Вот он людям один давал. Сказал: «Нате, возьмите, зуб вы себе сделаете». Золотой червонец вот у него был, но я думаю, он не последний отдал.

00:03:30

Наследники-то были у него?

Нет, они вдвоем с бабушкой жили.

00:03:35

Куда же ушли червонцы золотые?

Вот и интересно. Вот он жил, где вот этот сгоревший домик, тополя. Я всё смеюсь, говорю: «Может, под тополями где закопано». Может, где под тополями закопано.

00:03:50

Почему Пудино называется Пудино?

Потому что жил купчик Качин, и у него любимая мера веса была пуд. Нам налево, вот сюда. Была любимая мера веса пуд, и его звали Пудик. «Куда пошел?» — «К Пуду». «Куда приехал? Ездил куда?» — «К Пуду». И потом перешло так в Пудино, Пудино и всё.

00:04:20

А в каких годах это было? Когда?

Ну до революции еще, до революции.

00:04:27

До революции кто здесь жил?

Да, он где-то... Собакины в 1903-м, что ли, году сюда пришли в Калининск, он уже жил, Пудина уже был дом, Пудина дом стоял. Но официально числится у нас как Пудино с 1915 года в документах. По-моему, так.

00:04:49

Вот этот дом Пудина с 1915-го, а вот этот дом когда появился? В 1930-х, 1940-х годах?

Да ну, это, ой, нет! Это вот... Где-то семьдесят какой-то год. Семьдесят, может быть, восьмой, 1976-й.

00:05:13

И это то, что называется дом на две семьи, да?

На четыре. Это четырехквартирник. Пойдемте. Это четырехквартирник. Когда-то жила деревня, садик вон какой был, несколько групп детей. Всё похерили. Убили совхоз и народ весь убили. Осталось так себе. Пойдемте.

00:05:51

Идем.

Проходите, пожалуйста.

00:05:54

Вслед за вами.

Я закрою калитку.

00:05:57

А я закрою.

Вы так не сможете.

00:05:58

Хорошо, не будем.

Вы так не сможете, я закрою. Шутка.

00:06:12

Сюда? Стучаться?

Да.

00:06:15

Антонина Константиновна...

А ей бесполезно стучать, заходите. Она всё равно не слышит.

00:06:18

[Обувь] здесь сниму.

Она всё равно не слышит. Это мокрые? Вот сюда заходите.

00:06:22

Сейчас, просушатся, ничего страшного.

Заходите, сейчас вымочите ноги.

00:06:25

Всё-всё, ничего страшного не будет.

Вот, сидит, свое любимое занятие.

- 00:06:39 **Антонина Константиновна, здравствуйте!**
Здравствуйте.
- 00:06:42 **Меня зовут Таня.**
Таня?
- 00:06:45 **Да, Татьяна. Какая красота!**
Проходите.
- 00:06:54 **Спасибо большое.**
Здрасьте.
- 00:07:09
Садитесь.
- 00:07:10 **Нет, наоборот. Скажите мне, пожалуйста, Антонина Константиновна, где вам удобно будет со мной разговаривать? В кресле или вот там за столом?**
Да хоть тут, хоть тут. Давайте вот там сяду?
- 00:07:24 **Хорошо. А вот у вас еще такие фотографии есть, как вот 1938 год у вас?**
Нет, единственная.
- 00:07:31 **Единственная? А еще фотографии мамы, папы?**
Есть.
- 00:07:37 **Есть? Ищите, доставайте. Все фотографии родителей молодых, вас в школе, всё ищите. Денис Анатольевич, такие съемки можно сделать?..**
[после монтажа] Двадцать восьмой, 1928 год. Это мой старший брат, ему тут даже года нет, а он в 1929-м рожденный.
- 00:08:10 **[Оператор] На самом деле я в зеркале отражаюсь.**
- 00:08:15 **Ну вы отвернитесь**
- 00:08:16 **[Оператор] Я повернусь.**
- 00:08:17 **Повернитесь и чуть укрупнитесь. Не берите зеркало. Так.**

- 00:08:30 **[Оператор] Вот, получилось.**
- 00:08:36 **Так. А губы красить будем?**
Можно.
- 00:08:44 **Можно? А есть помада?**
Там, вот. Выше, выше.
- 00:08:52 **Вижу духи.**
Выше.
- 00:08:55 **А, вижу, это помада. А зеркальце? Зеркальце... А, вон. Так, это помада. Выбирайте, какую.**
Ага. Накраситься?
- 00:09:08 **Да.**
Накрасила?
- 00:09:32 **Да, красиво. Смогли бы вы представиться? Как вас зовут?**
Я Антония Юзефа Константиновна. У меня два имени.
- 00:10:35 **Первое какое?**
Антония.
- 00:10:38 **Антоние? А второе?**
Юзефа.
- 00:10:44 **А фамилия?**
По мужу Пономаренко.
- 00:10:48 **А при рождении?**
При рождении Маланчук. Вот папа мой Маланчук. Мама полька, она вышла замуж на Украину, за папу. А у мамы фамилия Вамбиндей. Ее девичья. Вамбиндей.
- 00:11:16 **У вас в паспорте так и было написано два имени?**
Да, я могу показать все документы, у меня два имени.

00:11:28

Спрашивали вас, почему так получилось, что у вас два имени? Как так получилось необычно?

Ну, мама так говорила: крестили в церкви детей, давали имя родители. Вот они дали мне Антония. А в церкви, как по-книжному, в этот день была Юзефа. Вот так и получилось у меня, что два имени.

00:12:06

Кто вы по национальности?

Сейчас русская. По папе была украинка, как он был украинец, была украинка. А сейчас национальность не пишут, в паспорте нету.

00:12:29

А мама была кто по национальности?

Польша.

00:12:35

Дома, когда вы родились, на каком языке говорила семья?

На польском. Все, все говорили на польском. Вот сюда когда нас сослали, мы ничего не понимали. Мы русский язык-то не знали. Все говорили по-польски.

00:12:57

[ин. яз.]?

Не поняла.

00:13:01

Вы сейчас по-польски говорите?

Нет. Не с кем. Нет-нет. Иногда какое-нибудь слово выскочит. Мне было четыре года, когда нас сюда сослали, четыре года мне было. И меня отдали в детский сад. Я там быстро переучилась на русский, а мама всё плакала, с горем пополам на работу посылали, а она ничего не может понять, что делать, потому что она русский язык не знала. Женщины показывают: пойдём с нами, с нами пойдём. Сено убирали, лето было как раз. И дают ей грабли в руки. В городе жила она, не знала деревенскую работу. Так и научились говорить. Она научилась быстро. Она потом начала. Уже письма нам не разрешали, потом уже проверяли их, письма, что там пишут. На почти где-то проверка была, если что не так, то вычеркивали. А потом она начала как туда писать, так она знала пять языков. И каждую, и русскую, и польскую, и румынскую, и немецкую, она в одно слово все буквы писала. Оттуда пишут, говорит: «С вашим письмом...» Писала она сестре, сестра там оставалась, по всем школам кое-как нашла учителя, который прочитал это письмо. Говорит: «Ты уж пиши или по-польски, или по-немецки, или по-румынски, как-нибудь, но только одни буквы чтобы были, можно было прочитать». Она получит, потом смеется, мне рассказывает.

00:15:28

Мама знала городскую работу. А где семья жила до высылки? В каком городе?

В Черновцах.

00:15:38

Чем занималась мама и чем занимался отец?

Мама училась на швею, она швея была, она шила.

00:15:48

А отец?

Отец на паровозе ездил. На железной дороге.

00:15:57

Машинистом был?

Ну, сослали его, видите, нас разделили. Он был сослан в Коми ССР, в Коми, а нас сюда, семью: мама с тремя детьми, мамина мама была тут, бабушка, мамина сестра тут была. Они приехали к нам в гости, чтобы нас забрать к себе домой на лето. А как раз тут... Они только вечером приехали, а в четыре часа утра уже пришли забирать нас. А их в списках-то даже не было, ну, сказали: «Кто в доме, всех берем». И нас всех, шесть человек нас сюда вот привезли. Аж в Среднюю Тавангу, далеко туда. В Среднюю Тавангу поселили. Некуда было, поселили в кузницу, в кузницу. Там горно, горело всё, и сажа, и угли были. А мы одеты были хорошо, приехали-то. А потом уже нас стали распределять по квартирам. А раньше дома же были, ну, вот так вот одностно. Не было там кухни, комнаты, вот одна. И нас к одной женщине, а нас же много, а она одна, у нее муж был на войне, ребенок у нее умер от болезни. Она одна, и нас туда поселили, к ней. Ой, не рады были! Она кричала, что мы враги народа. Нас считали врагами народа, хоть никто ни в чем не виноват. Потом же всех репрессировали [реабилитировали?]. Вот такое было. И вот отца я своего не помню, что-то вот на лицо даже не могу [вспомнить]. Хоть мне было четыре года, вот что-то оно мне потерялось. И я его искала, нашла его, что он в Коми, и там оттуда мне писал письма. Тогда не было телефона еще вот этого, сотового. Мы письма [писали]. И я написала, что «кто получит». Просто не знала, кому писать. «Кто получит, пожалуйста, прочитайте и дайте ответ». Получил, видать, письмо Рогачев Михаил. Он заведовал там музеем, он был историк. Он всё писал в письме. И сказал, что «буду искать, если ваш отец тут был, то документы должны быть, я буду искать». И он нашел. Нашел и пишет, что отец был в 1941-м тоже, умер в 1943-м. Он два года там еще побыв. 19 августа. Ну, он еще приглашал нас с сестрой, с Люсей, с мамой Сашиной, что «приезжайте, люди приезжают, земельку берут домой, тут ничего вы не найдете». Был ров. Вот кто заболел, их никто не лечил, там лесоповал был, они их ставили и расстреливали, прямо друг на дружку туда расстрелянных. Говорит, которых сразу устрелилят, убьют, а которые только раненые... И он говорил, что местные жители слышали страшный стон. Это деревня. Деревня, было недалеко от деревни. И вот две женщины вздумали, поползли в этот ров, думают, хоть кого-то спасти. А стояла стража, охрана и фонари, и увидели. И сказали: «Если вы сюда спуститесь, вы тут и останетесь, дети ваши будут сиротами». И вот они, говорит, развернулись и обратно поползли. Расстреливали, их не лечили, они простывали, там обуви не было, в обмотках [ходили]. Вот это он всё в письме так описывал, говорю, добрый человек. И мы уже собрались, знаете, уже этот переворот, где-то 1991-й, наверное, уже был. Мама еще живая была, мама в 1993-м умерла у нас. Она говорит: «Вы поедете туда, а деньги как сменяют — и оттуда пешком придете». Тогда деньги же никуда, ушли, всё. И так мы не поехали, не съездили туда. Он всю дорогу описывал. И автобус бы там нас встретил на железной дороге, и там гостиница, всё бесплатное, и питание, что «приезжайте, пожалуйста, будем встречать, мы всех встречаем, кто приезжает». Вот так нам не получилось съездить.

00:22:17

Ни разу больше в Черновцах не были вы?

Была. Мамина сестра уехала, Ядвига, она уехала отсюда в Черновцы. Два раза там была. Я ее спрашиваю: «Покажи, пожалуйста, в каком доме мы жили». Мне интересно было. Она говорит: «Ну пойдём». Пошли. Особняк, это папе дали с работы, давали, как он на железной дороге работал. Из белого кирпича. Стояли, смотрели-смотрели. Я говорю: «Пойдем зайдём, а?» Она: «Нет. А чего мы зайдём, скажем?» Я говорю: «Ну я скажу, что я тут родилась». Ну мне интересно было комнаты посмотреть. У нас папа на всех инструментах играл, у него отдельная комната была, мне сестра говорила, на стенках висели и скрипки, и балалайки, и на гармонии он играл. Он пел хорошо, он выступал. Он не артист, а просто как самодеятельность, он выступал. Ну мне охота было. Она говорит: «Нет, не пойдём. Спросят, ты откуда, ты скажешь, что из Сибири приехала. Они скажут: “А за что ты там попала? Кто ты такая?” Нет, не пойдём. А то еще в милицию позвонят, не пойдём». Вот так на улице стояла и смотрела, внутри не была. Очень хотелось.

00:24:17

А вот свое детство до этих четырех лет — вы хоть что-то смутно помните в детстве? Какое-то первое детское воспоминание, что-то есть?

Я только помню, что отец как приезжал с работы, он поздно и ночами ездил, что он вот брал и меня кидал. Это я помню очень хорошо. Я была самая маленькая. И помню, как он меня на шифоньер зачем-то посадил и стоял и смеялся. Вот это вот я помню. А больше ничего. Молились вот так, так. Мы крестимся вот так. Вот так молились. И сюда уже когда [приехали], так мама нас заставляла всех молиться, всех: может, Бог услышит и нас обратно увезут. Всё плакала. Вот мы с сестрой в церковь пошли, в Пудино была церковь, мы три воскресенья ходили. По воскресеньям она работала. Ну, ничего нам не сказали, мы крестились вот так. А в Кедровой открыли церковь, мы с ней тоже поехали. Ну всё, молитвы, но про себя всё говоришь.

А потом батюшка подошел, увидел, что мы крестимся, он говорит: «Вам не место в этой церкви, у вас должна быть своя польская церковь». А какая тут? Мы одни тут, наверное. И мы больше не стали, Люся говорит: «Так Бог-то один, какая разница, кто как крестится, ну Бог-то один». Нельзя. Мы больше не ездили.

00:26:35

Вот в этой семье, в Черновцах, можете рассказать, что это была за семья? Весь состав семьи перечислите, пожалуйста, кто в этой семье жил.

Нас было трое детей. Вот тут они на фотографии. Вот брат, Люся, сестра, и я. И мама, и папа.

00:27:04

А вы могли бы подойти к фотографии и назвать всех этих людей?

Сейчас я очки возьму.

00:27:12

Секунду, секунду.

Ой!

00:27:14

Всё хорошо, всё хорошо. Идемте.

Вот мой брат Рудольф. У него тоже два имени, он Рудольф и Евгений. Вот Люся, Сашина мама, моя сестра.

00:27:47

А у нее какое второе [имя]?

Она Людмила и Павлина. А вот я, вот это большой бант, а вот я. Я с 1937 года рождения, тут меня... 1938 год. Вот моя мама. Это мама. Это мамина мама, бабушка. Это мой папа. Это мамина сестра Оля. Это ее муж. А это соседи были, где-то фотографировались, где-то у бабушки фотографировались, потому что тут крыльцо, видите, есть деревянное.

00:28:37

А вот эта фотография перефотографированная? Это же уже копия. А где самая первая фотография?

А самая первая была такая малюсенькая, маленькая. И я внуку дала, и он в Томске вот это вот перефотографировал, потому что там было мелко, мелко.

00:29:00

И у внука осталась эта маленькая фотография?

Ну, где-то есть, так их много, фотографий, я не знаю, в какой она, в каком альбоме.

00:29:10

А эти альбомы здесь у вас?

Ну, конечно, сами делали уже.

00:29:15

А вы их можете достать, эти альбомы?

Я и говорю, что я не знаю, в каком эта фотография.

00:29:25

А вы можете все достать альбомы? Вам не сложно? [Про микрофон] Я держу, всё, ничего страшного. Вы можете ходить. Не-не, я держу, я так с вами и пойду.

Ой, господи, помилуй. Вот где-то она должна быть тут. А в каком, я не знаю.

00:29:52

А мы пока просто положим их на стол, все эти фотографии.

Где-то у меня еще есть, знаете. Вот тут.

00:30:25

Давайте еще раз подойдем к этой фотографии. Могли бы вы показать, вот вывезли кого из этих людей? Кого вывезли в Россию? Вот из этой...

Вот в Россию только вот нас вывезли. И бабушка приезжала за нами, вот она. Она сюда попала нечаянно тоже. Вот бабушка. И это младшая, младшая мамина сестра, Ядвига. А эти остались там, на Украине. Вот Оля, мамина сестра, вот ее муж, они остались там.

00:31:07

А как получилось, что маму выслали, а сестру ее не выслали? Почему?

Кто его знает? Видать, папу в чем-то подозревали.

00:31:20

То есть семья из-за отца пострадала?

Да. По политической части он был сосланный, по политической. Ну а потом его репрессировали [реабилитировали?] тоже и нас. У нас книжечки у всех репрессированных. Вот брат, он с 1929 года, а вот на той фотографии ему годик, наверное. Вот на коленях у мамы он сидит. Значит, та фотография где-то с 1928-го. 1928-го.

00:32:03

Поняла. Присаживайтесь, пожалуйста. Значит, не стеснясь скажите: «Я устала, давайте [закончим]». Не стесняйтесь, ладно?

Это же не работа.

00:32:17

Работа, такая работа. Вот в четыре часа утра когда к вам приехали, вы что-то из этого помните? Пусть смутно.

Вот как мама собирала вещи, это я помню. И стук в двери. Стук. В четыре часа стучали. И что приходил и переводчик был. Русский военный был и переводчик был, потому что мы говорили по-польски, он русскому переводил. Вот это вот я помню. И это уж мама говорила, что 30 минут дали только на сборы. Она только вещи детские успела собрать, а свои ничего. А потом, когда нас повезли, машина была бортовая, машина, уже люди там сидели, и нас туда. Когда привезли на железную дорогу, то сказали... Папу сразу взяли отдельно и сказали: «Вы еще не едете, еще маленько подождете, а ваш отец поедет вперед. И он вас там встретит». Ну, он взял все детские вещи, как сказали. А оказывается, когда приехали, а его там и нету, никто не встречал, а его увезли совсем в другую сторону. Вот он уехал с детскими вещами, а мы остались все, в чем были.

00:34:19

Могли бы вы еще раз повторить, где его разделили от вас? Прямо у дома разделили? Или на станции уже разделили? Вот он взял все детские вещи, где это происходит?

Я не поняла.

00:34:33

Вот ему сказали, что он поедет вперед. Вас в каком месте разделяют? Где это происходит?

На вокзале. На железнодорожном вокзале.

00:34:48

То есть в бортовой машине вы едете вместе всей семьей, с папой?

Да, в машине вместе. А туда приехали, и всё, его в другой поезд, она в другой поезд.

00:35:05

Всех ли мужчин разделили? Или какие-то мужчины с вами остались?

Я не помню. Но знаю, что когда нас сослали, почти все одни женщины с детьми, мужиков нет.

00:35:27

Вот сейчас в доме, кроме фотографий, какие-то вещи сохранились из того дома? Что-то всё-таки семья в руках имела? Или одежда какая-то? Вдруг мама хранила что-то?

Нет, ничего не было.

00:35:45

Ни ложек, ни вилок?

Нет, да что вы! Такая была голодовка. Если что было, то всё продавали. Ведь приехали-то уже в июле, у всех было посажено. Целый год голодовали. Были у нас сережки золотые, и у меня были, и у Люси были. Всё. Вот вилок капуст, за сережки давали вилок капусты. Это страшный голод был. Страшно было. Всё продавали, что было, всё. Не дай бог.

00:36:30

Бабушка, которая попала по ошибке. По ошибке только бабушка попала или еще кто-то?

Ну вот и мамина сестра.

00:36:40

Мамина сестра по ошибке тоже попала?

Тоже, да.

00:36:43

Они пытались заявление какое-то написать, чтобы их выпустили?

Нет. Тогда нельзя было, вы что! Разве можно было кому-то пожаловаться? Нельзя было. Меня в садике били как хотели все. Издевались, не кормили. Так вот скамейка у стенки стояла, вот такая шириной, а нас было пятеро ссыльных детей в садике. Утром давали нам кашку, пшеницу на жерновах мололи, варили, нам на воде варили, а местным на молочке, колхоз давал молочко. Мы поели — и нас так лицом к стенке, и мы стоим. Стоим, стоим. А уже обед, все обедают. А нас не кормят. Мы стоим, падаем. Ноги отекают. Возьмут, вот так встряхнет: «Встань!» И опять поставят. Вечером тоже все едят, а нас не кормят. Мы так целый день: падаем, плачем, обратно ставят, падаем, плачем. Люся за мной приходила. Она на пять лет меня старше была. Она за мной придет, а я идти не могу, ноги отказываются. Она на руках меня носила домой. А дома что — железная кровать, доски. Доски были на кровати, постели никакой. Там кто даст фуфайку или что, так накидывали и... И она меня туда кладет, а я ходить не могла. Потом мама говорит: «Люся, что это такое? Почему она никогда не ходит? Чего ты ее таскаешь?» Она и рассказала ей, что «там не кормят ее, она стоит». Мама сказала: «Больше мы туда ее водить не будем. Уж если с голоду мы будем умирать, будем все дома, дома будем». И больше меня водить туда не стали. Нянечки все... В школу ходила. По четвертый класс там учительница была, не дай бог. Я говорю, не было ни детства, ни юности не было. В 12 лет уже поля пололи. Сеют осот, жибрей, колючий. Голыми руками, босичками, голыми [ногами]. Ни штанов же, ничего не было. Голые. С мешка надо было и то украсть. А мама красть боялась. Женщина одна добрая была, себя обмотает, зерно, когда подрабатывали, маме принесет, и мама мне в школу шила из мешка платье. Ни плавок не было, ничего. Господи! Уже где-то в четвертом классе, наверное, деньги же не давали, в колхозе же так работали, за трудодни, она купила мне трусики. Ой! На ногах резинка. И я спустила их ниже колен, так, чтобы все видели, а то все задерут платье мне, по заднице хлопали, хлопали, что я голая. А я спустила их туда, чтобы видели, что я не голая уже, что у меня вот есть. Я говорю, вот всё пережить, знаете, так быстро, вот сейчас я думаю, какие года уже у меня, скажите, пожалуйста! Как это всё прошло? Учили нас, какую траву есть, местные женщины учили, мы же не знали, какую траву-то есть надо. Как скотина паслись. Всякие то пиканы, то... Это уже хорошо было, мешками... Соли не было, одна вода. Ни жарки, ничего. Вода и то крапива, то лебеда, то пиканы. За грибами пойдем, сухие грузди, сухие грузди были. Так мы ножки все съедали. Домой принесем одни шляпки, а ножки мы на ходу прямо ели, сырые ножки. Сейчас говорю, они не горькие, они сладкие были, нам казалось вкусно. И всё прошло. А сейчас бы жить да жить. А года-то бегут и бегут, прямо так быстро, быстро бегут.

00:42:35

Какая-то весточка от отца в какой-то момент пришла? Вот его...

Ни единой. Он ни единой... Вот в Средней Таванге у нас жила женщина, Мина Урсаки. Ее тоже муж был там, где наш отец. И ее муж, то ли он там, что освободился он, ехал, написал ей письмо, она получила письмо и пришла к нам. И он писал, что «я выжил, потому что дружил с женщиной, которая работала на кухне». «А я,— говорит, — говорил Косте: “Маланчук, давай я тебя познакомлю с женщиной. И ты будешь жить”. Он ни в какую не захотел». Вот только вот это вот, больше ничего мы от него... Нет. Вот только эта женщина нам рассказала. А ее муж ехал и доехал где-то то ли до Осиповой, то ли до Парабели, где-то он уже тут был. И потом... Тогда не на чем было приехать, и он ей опять оттуда написал письмо: «Я еду на родину, я вернусь на родину». То ли они вообще молдаване, Урсаки с Молдавии. «Если хочешь со мной жить, приезжай и ты». А тогда уже нас с комендатуры сняли. Мы же были под комендатурой. И она уехала. И нам тоже ни разу не написала, то ли он встретил ее, то ли она с ним была, то ли нет, не знаю я. Вот это не знаю. Расписывались каждый месяц, приезжали с Пудино, что никто не убежал, все тут, всех детей, все расписывались. А потом, когда репрессировали [реабилитировали?], тогда вот. Даже из деревню в деревню мы не имели права выйти.

00:45:23

Что-то из [того], как вас в поезде везут, вы помните? Или совсем не помните?

В поезде?

00:45:31

Когда вас везут еще сюда.

Маленько помню. Маленько помню. Я всё спрашивала: «Люсь, а что там за цепь такая бегала?» Мне казалось, в поезде по коридору какая-то цепь. Вот это я хорошо помню. Такая вот [большая]. Она говорить: «А это чтоб никто не убежал. Она быстро за ноги схватит». Вот только я с Люсиных слов знаю, что мы долго стояли везде, в тупике были загна[нн]ые, что люди приходили и молочко в бутылке в окно — на веревочку завязывали, веревочку туда спускали, а там на горлышко привяжут и вот мне, потому что я маленькая была, чтобы мне было молочко. Их-то тоже нечего было... Я не знаю, как ехали, голодные, ничего не знаю. Голодные.

00:46:45

И первое... Вот этот поезд, первый населенный пункт, куда вас привезли, как назывался? Первая деревня, в которую вас привезли.

Средняя Таванга.

00:46:57

Средняя Таванга?

Средняя Таванга, да.

00:46:59

И кузница, в которую вас вначале поселили, там?

Да, там.

00:47:04

И вот в этой кузнице только одна ваша семья или много было?

Одна была. Нас много, нас шестеро было. Бабушка была, и вот они двое были без список, а у нас семья была большая, шестеро. Но потом вот к этой женщине нас поселили. А потом контора была рабкооповская, не знаю, куда они всё это перетащили, контора была большая, и вот разделили четыре семьи эту контору. Всем по углам. Вот этой семье угол, этот угол семье. И по углам. По углам четыре семьи мы жили там.

00:48:02

В одной комнате?

В одной.

00:48:04

И эти углы, они как-то занавесками были разгорожены?

Ничего. Никаких занавесок не было. Была семья евреев, это я хорошо помню. И был парень, говорили, что он университет закончил. Такой высокий, красивый парень. Сейчас в глазах. Он ночью [повесился]. Он не мог пережить эту жизнь. И [повесился] ночью. Сколько рёву было! Ну все женщины и дети, мужиков не было, вот он один, с мамой.

00:48:48

И это вот в эту комнату вас поселили? В четыре семьи?

Ага.

00:48:54

После кузницы? Вначале была кузница, вы жили...

Потом у женщины мы.

00:49:00

Потом у женщины. Сколько времени у женщины вы жили?

У Тузаевой. Ну, год мы не прожили у нее, год не прожили. Потом я не знаю, куда это рабкооповское всё, оттуда они куда перешли, что ли, что нас туда четыре семьи.

00:49:20

И это тоже было в Нижней Таванге?

В Средней.

00:49:22

В Средней Таванге, там же. А вот у этой женщины, пока вы жили, Тузова, да? У нее были свои дети?

У нее был один ребенок, и он умер, мальчик. Тогда болезнь дизентерия шла, а врачей не было, не лечили. И вот он умер. Тузаева ее фамилия.

00:49:49

И это она вас называла врагами?

Да. Да.

00:49:53

А этого мальчика вы застали или только узнали, что он умер, этот мальчик?

Не было уже.

00:49:58

Уже не было?

Не было.

00:50:01

То есть одна одиноко жила?

Она одинокая да. Муж был на войне. Кричала, что «ваш отец убил моего мужа». А ее муж живой-здоровый, приехал в деревню Рогалево, вот отсюда недалеко. Там его сестра жила, и он к ней приехал и звонит. В конторе были телефоны и на почте. И он в контору звонит: «Если она хочет со мной повидаться, пусть приедет ко мне в Рогалево». Ну, это уже нарочный идет, ей говорит: «Или пусть идет со мной поговорит по телефону». Она наотрез отказалась, ни говорить, ни встречаться с ним [не хотела]. А говорила, что наш папа убил. Ой, что делала, не дай бог!

00:51:07

То есть она не помогала вам?

Нет, нет, нет. Мороженую, зимой мороженые листья с капусты давала. Это чистила, солила, листья были, не знаю, зачем она, может, корову, скотину держала. Так она листья нам мороженые давала.

00:51:35

Бабушка, которая с вами, сколько времени в такой жизни прожила?

Вот я что-то забыла даже, в каком году... Ей было 64 года. Знаю, что она похоронена в Средней Таванге. У нас еще мама беременная была, она родила в Средней Таванге. Мальчик Костя, год, наверное, прожил только. Кормить-то нечем было, и он умер. Тоже похоронен в Средней Таванге, бабушка и [он].

00:52:16

Мама беременная была от папы этим [ребенком]?

Ну конечно.

00:52:22

То есть ее высылали беременной? А в каком месяце вас высылали?

В июле.

00:52:32

В июле? А мальчик родился?

Значит, в 1941-м и родился, в 1941 году.

00:52:51

Мама ездила в больницу рожать или дома рожала?

Дома.

00:52:59

И это уже у этой хозяйки происходит? Или в кузнице еще происходит?

Это уже было, что мы жили уже в этом, в конторе этой.

00:53:11

В конторе, в комнате на четыре угла? И вот в своем углу мама рождает? А все остальные вышли? Как это было?

Наверное, не знаю. Даже в ум не приходило. Не знаю, наверное.

00:53:36

Как бабушка умирала, помните?

Бабушка от голода умерла. Есть нечего было. Были, не знаю, сколько ложечек было, серебряных, чайные ложечки серебряные были. И вот она просила хлеба: «Хлеба хочу». Лежала уже, не вставала. Хлеба. И вот Люся, эту ложечку дали Люсе, и она с этой ложечкой пошла. А хлеб был только учителям, пекли учителям. И она от учителя несла, он ей дал кусочек хлеба. А она, миленькая, тоже хотела, она пока добежала, его съела. Сама съела. Пришла и плачет, что она съела. Ну, еще одна есть, неси еще одну. Он взял. Тогда она принесла, бабушке дали, и она даже не откусила, она вот так вот губам поднесла — и всё. И умерла. С голода умирали, на ходу умирали. Господи! А то [нрзб] давали, а там жибрей, он такой сладкий был. Он как мак, такой черненький. На жерновах мололи, лепешки — железная печка — так прилепляли. Ну, ни сковороды... Про масло или про что даже и речи не было. А так прямо по бокам вот. А как поели — всё, падали. Я пошла уже в Средней Таванге на речку по воду с маленьким ведерком и упала. А девчонки бегали купаться, тоже такие, как я, местные. И они побежали, маме сказали, что я лежу там. Меня на руках принесли домой, но потом отходила. Ноги отказывали, ноги отказывались ходить, голова кружилась, и всё, как в яму человек проваливался. Вот так вот.

00:56:27

Как бабушку хоронят, помните, нет?

Помню. Четыре женщины там могилку копали, это летом было. Где-то сантиметров на 50, наверное. Вру. Вру. Не летом. Потому что ее на детских саночках везли. Без гроба, без гроба. Так замотана была, и на саночках ее. Некому было и копать. Ну вот ездили мы, Саша тоже ездил и вроде нашел в Средней Таванге могилку. Что мама говорила, под деревом они похоронены были. Но дерево-то было маленькое, а теперь оно уже такое... Но не подписывали ничего. Не до этого было. Все голодные ходили. Не дай бог. Мама тоже, пахали на быках, на быках пахали. Сзади женщина за плугом идет, погонщик идет сбоку, а мама водила быков за повод, чтобы они из борозды не выходили. Стоптали они ее, ей ноги истоптали, уронили ее, она ходить не могла с голоду, и все ноги в крови, все опухли. Женщины ее унесли, домой принесли ее. Она не могла ходить. Приходит бригадир: «Чего развалилась?» Это мы уже отдельно жили в избушке. «Чего развалилась? Весной день год кормит. А ну иди давай!» А женщины говорят: «Посмотри, какие у нее ноги». Они отекли, сразу начали пухнуть, синеть. А он тогда пистолет достает и на меня вот так вот поставил и говорит: «Если ты сейчас не встанешь, не пойдешь, я ее застрелю». Женщины испугались. Я в младших классах еще училась в Средней Таванге. Говорит: «Пойдем с нами, а? Ты молоденькая, ты быстро побежишь, тебя они не свалят. Пусть мама дома»... Вот я ходила, быков вводила тоже. А была женщина хорошая, Широкова. Фамилия Широкова. А у нее была корова. Она молочко маме носила и какую-то воду делала, не знаю какую, и прикладывала к ногам. Мочила тряпки и прикладывала. И она вылечила маме ноги. Были добрые. Но были — не дай бог! А потом, вы знаете, уже вот эта учительница, что была, и по голове, и по рукам. А вот уже в 1990-х годах она стала к маме в гости ходить. А так было неприятно! Хоть уже столько лет прошло, но это... А Люся приехала к нам в гости, а она у нас была, и она быстро собралась и ушла, учите[льница] эта. А Люся говорит: «Мама, как ты можешь с ней разговаривать? Она так издевалась над нами!» Картошку огребали в колхозе тяпкой. И вот такая вырвется, а Люся в карманчик клала. А домой когда шла, она: «Чего в карман наклала?» Взяла у нее и всё выкинула. Вот как балаболочки такие, все выбросила. А мама говорит: «Люся, ну это ж такое время было тяжелое для всех. Ну чего теперь поделаешь?» У нас мама очень добрая была, она в жизни голос не повысила ни на кого. Очень добрая. Я в нее удалась тоже, у меня характер никудышный. Слабый.

01:01:45

А мама еще раз замуж вышла?

А?

01:01:48

Мама еще раз замуж вышла? Муж еще был у мамы второй?

Нет, не было. 32 года ей было, когда сослали, ей было 32 года. Нет. А тогда и мужиков-то не было, там два-три придут, так у них семьи. Нет. Вот мамина сестра, что поневоле попала, ей было 18 лет. И она замуж не выходила, да и не за кого было выходить. А потом она уехала уже перед пенсией, она поехала в Черновцы, туда.

01:02:40

И вот у этой сестры, которая случайно попала, она ни замужем не была?..

Ни замужем не была, ни детей не было. Я всё говорила: «Чего не можешь родить хоть для себя ребеночка?»

01:03:02

Мама какую-то икону или иконы успела взять из дома?

Иконы?

01:03:10

Да. Взяла с собой?

Не было. Не было.

01:03:19

Кого мама обвиняла в своей судьбе? На кого она?..

Никого, она вообще ничего не говорила. Никого. Она только плакала втихушку. Плачет, никому ничего не говорит. Никого не обвиняла. А потом нам пришел... Где-то в 1990-х годах с

Украины пришл[и] нам пригласительные возвращаться обратно на родину. Туда. Но все уже были семейные мы. И что сказали, что всем квартиры дадут, чтобы возвращались. Вот брат мой жил в Осипово, он приехал. Люся вот тут жила, приехали те к нам. Вот показали. Люся говорит: «Ой, мама, поедem! Там никто кусать нас не будет. Тут пауки заедают, комары. Фрукты там все растут. Поедем!» Мама молчит. Молчала, молчала, потом говорит: «Нет, дети, никуда мы отсюда не поедem. Наша родина теперь здесь, и здесь мы все будем жить. Чего мы туда приедem? Мы там чужие сейчас. Мы больше живем здесь, чем мы прожили там». Вот и всё. И никто... Мы все тут и остались. Никто...

01:05:14

Вы понимаете, почему она так сказала?

Ну она же привыкла тут, я думаю. Ей было 84 года, когда она умерла.

01:05:37

Еще вернемся назад. Вот бабушка, она ушла раньше, чем мальчик родившийся? Или кто раньше ушел? Мальчик новорожденный?

Мальчик, мальчик вперед умер. Знаю, что так красиво, не знаю, где что, там белое, белая так рубашечка была одета у него. И на рукавах тут на живульку были собраны сборочки, сборочки. И тут [на воротнике] сборочки. Такой красивый, красивый был. Красивый.

01:06:16

Вперед бабушка ушла. Бабушка вперед, потом мальчик. Ту могилу раскапывали, и мальчика похоронили сверху. Вспомни, как мама рассказывала. Бабушка вперед умерла.

01:06:30

Бабушка вперед?

01:06:30

А потом раскопали ее могилу, и почту положили сверху. Вспомни. Мама же так рассказывала.

01:06:40

Дядь Саша, а можно я тогда стул поставлю на секунду? Вы расскажите в кадре просто эту историю, как тогда хоронили.

Тогда садись.

01:06:48

А что я расскажу?

01:06:49

Ну что, помните, я потом вам скажу: «Спасибо, выходите из кадра».

01:06:56

[Оператор] Нет, вы сидите, пожалуйста, как сидели. Не-не-не, вы не двигайтесь, пожалуйста.

Еще бы меня подстриг кто-нибудь.

01:07:05

И поцеловал.

Ну, поцеловать — это святое.

01:07:09 Красивый, красивый.

01:07:11 Да какое там, как оброс, как этот...

01:07:15 **Пожалуйста, садитесь.**

Садись.

01:07:20 **Вот вы говорите, что не так было. Расскажите, а как было?**

Ну, мама рассказывала, что сначала бабушка умерла с кусочком хлеба в руках. Вот две ложечки они успели с собой забрать, коробочка рассыпалась, энкавэдэшники те не дали им взять. А две ложечки успели они, кто-то, выхватить. И вот за эти две ложечки Нестеров должен был, Дмитрий Григорьевич, директор школы, он должен был им булку хлеба дать за серебряные ложечки, а он им два ломтика дал, что один мама, пока шла, не заметила, как и съела. А второй донесла, но уже было поздно. Так бабушка, мама рассказывала, так вот держала ко рту, так и умерла с этим кусочком. У нее не было сил уже жевать даже, настоль[ко] она отошала. Так вот было. Колбá спасала всех. На колбé все и выросли. Вот они, 34 года деду было.

01:08:27 **И первой похоронили бабушку?**

Бабушку, бабушку первую. Бабу Марию. А в 1971 году я там пахал земли весной на тракторе, и что-то мы с [нрзб], с дядей Мишей мы тогда, и что-то перекурить решили. Ну и стоим, Финогенов же лог там, кругом [нрзб], бугор. Я что-то подошел так березе, толстая такая, хорошая береза. Стал что-то так, стою, он курит, а я же не курил, я уже бросил. Я же вам рассказывал, да? И вот он... Стою, так грустно мне стало. Вот он глазами туда-сюда. А я не знал, что там кладбище, мы на кладбище. «О, кресты лежат». Я говорю: «Дядя, Миша, так кладбище здесь?» Он говорит: «Да». Там крест, там крест, там крест. У березы у этой. А когда приехал вечером домой, к бабушке в Тавангу, и рассказываю ей, я говорю: «Что-то мне так взгрустнулось у этой березы». Она говорит: «Под ней моя мама похоронена». Есть что-то, какое-то чувство. Я понятия не имел, где она похоронена и что. А вот встал у этой березы — и вот. Оказалось, правильно встал. Есть что-то, какая-то связь, видать, между... Родственные души. Кровь одна.

01:10:03 **Я правильно понимаю, что это кладбище сейчас разорено? То есть там нет...**

Оно не разорено. Разорено — это когда сейчас эти все металлосты тащат памятники, железные оградки. Вот это разорено. А это просто по старости пришло в негодность, упали кресты, и всё. Оградки тогда не городили, потому что нечем было, не из чего. Вот тетя Тоня же рассказывала, что бабушку похоронили даже без гроба. Не из чего было сделать и некому.

01:10:35 И некому.

01:10:35 И некому.

01:10:40 **А мальчика этого, Константина, да?**

Константин, да.

- 01:10:44 **Его хоронят в могилу к бабушке или как это было?**
Да. Она потому что свежая, недавно копаная. Мама рассказывала, что еще не успела земля хорошо замерзнуть, что рядом новую копать некому было. И вот ее раскопали. Он, видать, скоро и умер-то после нее. Что раскопали эту могилку, его на нее прямо положили и опять закопали.
- 01:11:14 **И сейчас этой могилы не существует? Вот этого места, где похоронена бабушка и этот мальчик, его...**
Это существует. Просто не знаешь где. Это где-то там, но оно есть. Но оно где-то. Конкретно пальцем не покажешь, понимаете, а так оно есть.
- 01:11:36 **Поняла. Поняла. Возвращаемся еще. Дядь Саша, спасибо большое, вы от нас далеко не уходите, если будут какие-то еще моменты, можете вот в кресло присесть? Побудьте с нами пожалуйста.**
Я там буду.
- 01:11:53 **Хорошо. Вот вы когда в школу ходите, эта учительница, которая вас бьет, она вас бьет за что?**
Ни за что.
- 01:12:04
Расскажи, как тебя...
- 01:12:05
Ни за что била.
- 01:12:07
Тузаева Аксинья потом маме ноги, бабе, целовала.
- 01:12:10
То скажет: «Руки сделай вот так». Она линейкой, ребром. То подойдет, пишу сижу за партой, подойдет — раз — по голове. Ни за что. Била ни за что. То обстри[ж]ет до гола. У меня волосы такие были кудрявые, не хотели дома меня подстригать, жалко было. Она принесла машинку в класс и меня обстригла до гола. Я как домой пришла, как они плакали! Страшно смотреть: худющая и без волос.
- 01:13:02 **Она всех обстригла? Или она обстригла только вас?**
Это меня она обстригла, потому что мы враги были, вы понимаете? Все называли врагами. Даже дети от взрослых слышат, и дети называли.
- 01:13:21 **Мне это непонятно. Здесь поселок, они все ссыльные, вы все в равном положении находитесь. Разве не так? Все враги, разве не так?**
Я говорю, нас было в этой деревне пятеро ссыльных, остальные все местные были. Дети.
- 01:13:42 **Вы с братом вместе учитесь или нет? В одном классе учитесь или нет? С братом, со старшим братом.**

С братом, а он даже и не учился, сразу на работу пошел, 12 лет ему было, и он уже всё. И на лошадах, и боронил, и ездил, и всё. Люся тоже, по-моему, четыре класса кончила. Да, Саш? Четыре класса только. Все на работу, я одна училась до семи, семь классов. Как сейчас девять кончают, а тогда было семь. Ну тоже хотела поехать учиться, вызов пришел, заявление писали, и в Томск я в медицинское хотела, на медсестру, сильно хотела. Пришел вызов. Ну, пошла к председателю колхоза. Я уже тоже работала, мы летом все работали, все ученики летом работали. А он говорит: «Вот уже ты пятая приносишь. Будем собирать общее собрание. Как собрание общее решит, так и будет». Ну, а тогда на собрании люди... Вот сейчас не ходят люди на собрания. Мало. А тогда вся деревня. Пришли и голосовали: за этого, за этого. В общем, я попала, что меня пустят учиться. Он говорит: «Завтра утром в контору придете». Он справку, напишет справку, что разрешает. Паспортов же не было, ничего не было, документов никаких не было. Говорит, что справку он даст. Ну, и мы пошли утром. Ну, что? Местным детям дали справки, а мне сказал: «А ты будешь работать. Вся молодежь уедет, а кто в колхозе работать будет? Будешь работать». Вот и всё. Так и осталась. На ферме потом работала, 20 лет проработала на ферме.

01:16:33

А брату удалось получить какое-то образование?

Нет. Сразу тогда на лесозаготовку брали, в 16 лет уже брали на лесозаготовку. Вот и Люся, сестра, была, и брат был. Он у нас был самый старший. Он там работал и там и женился, и всю жизнь он так и жил в Осипово. Было семеро детей. Не учились.

01:17:17

Вы приезжаете сюда, в Сибирь, в 1941 году. В 1945 году заканчивается война. Вы как-то помните, деревня праздновала победу или не праздновала? Как это было?

Я знаю, что, как это мама рассказывала, они как раз уже в мае пахали, тоже на быках. Саша, на Финогонова пахали, ты знаешь, где это есть. На километра три от деревни, наверное, вот так пахали. И она говорила: «Остановились то ли на обед, то ли что. Нарочный едет верхом. Тогда нарочные были. Верхом едет и кричит, фуражкой так вот машет. Мы говорим: "Господи, война идет, и еще какое-то горе, наверное, он нам несет, этот человек". А он подъехал: "Выпрягайте быков, отпустите, пусть пасутся. Все по домам! Война закончилась"». Мама говорила, ой, у кого, кто не получил треугольника или похоронку, или без вести пропавшие, были всякие письма такие, те такие рады были! Рады, от радости и плясали без всякой музыки. А у кого, как у нас, говорит, плакали. Мы плакали, знали, что нам некого ждать, никто к нам не придет. И вот, которые погибли, тоже. Все по домам.

01:19:12

Мама в какой-то момент перестала ждать отца? Или вот она же не знала, что он умер, она ждала его или искала, или как это было у мамы? Мама же не знала, что он умер? Там же никакие похоронки не приходили на отца?

Нет.

01:19:29

Она ждала его?

Она молчала всю жизнь. Она никогда ничего не говорила. Никогда. Только говорила: «Бедный Костя, где он есть? Бедный Костя». А папа тоже Костя. У нас в семье аж пять, всё Кости. И сын у меня Костя, и внук Костя, и племянник Костя, не знаю почему. Вот не знаю почему. Все Кости.

01:20:09

Мама дома в какой-то момент стала говорить на русском? Или мама всё-таки с вами говорила по-польски?

Она дома по-польски говорила. Она мне всё говорила: «Не учи русский, не учи. Нас русские сюда привезли. Не учи». Но я немного ходила в ясли, сейчас называют садик, тогда ясли, говорила, ясли. Но я там от детей-то училась. А она долго не могла, но потом она хорошо, она эти книги читала, боже мой! Она хорошо говорила. Никто даже бы не сказал, что она не умела говорить, она говорила чисто, хорошо по-русски. Хотела научиться.

- 01:21:05 **Дядя Саша, а можно вас опять на секунду, если вы недалеко?**
Недалеко.
- 01:21:10 **Ставим стул рядышком опять, так же, как это было. Табуреточку, там стоит. А вы ее же застали?**
Кого? [Нрзб] Конечно. Я с года у нее воспитывался.
- 01:21:27
Ему год был, а он уже у нас был.
- 01:21:27
В Средней Таванге. Я очень с ней много общался. Каждое лето я в Таванге гостил, это моя вторая родина.
- 01:21:38 **Вы с ней общались на каком языке?**
На русском.
- 01:21:41
На русском.
- 01:21:43
Она прекрасно говорила на русском. Только на русском.
- 01:21:51 **Без акцента вообще?**
Без акцента.
- 01:21:54 **А вот вам она про Польшу, или про Черновцы, или учила молитвам, или то, что она из другой среды, как-то вам рассказывалось или вообще ничего?**
Я думаю, от страха, от того, что они были запуганы, ничего не рассказывала про родину никогда. Единственное, она всегда нам рассказывала сказки, «Сим-сим, откройся» и еще какие-то вот такие сказки, она знала много и всегда рассказывала нам сказки. Никогда не вспоминала ничего. Они боялись. Они боялись.
- 01:22:33
Боялись говорить.
- 01:22:35
У меня и отец был запуганный до... Всегда мне говорил: «Не болтай лишнего. Нечего говорить лишнего». Они боялись, они были с детства запуганы. Вот [нрзб] это не с детства, а вот отец мой с детства, как привезли сюда как врагов народа, у них ярлык был — враги. Всё. И никто не спрашивал больше, никто не считал их за людей. Как сказала Аксинья Тузаева: «Вас сюда дохнуть привезли, а вы еще жрать хотите». Когда у мамы выкинула картошинки вот такие вот с карманов, по крапиве раскидала и сказала: «Вас сюда подыхать привезли, а вы еще жрать хотите». Вот так вот было. Местный человек. Они кержачье, они там местные были, там ссыльных-то мало было. Средняя Таванга считалась старожильческий колхоз, там жили, кержачья много было, они были как местные. Там даже в 1930-х годах мало ссыльных было, в Средней Таванге. Там был старожильческий колхоз, так он и назывался. Поэтому такое было

отношение. И никто не разговаривал. Враг — к стенке, и всё. И какого бы ты возраста ни был.

01:23:58

И если кто-то что-то сказал, находился такой человек, который шел в Пудино пешком ночью.

01:24:07

Ну расскажи про эту женщину.

01:24:08

И скажет.

01:24:13

Приходил в НКВД и докладывал.

01:24:16

И докладывал. НКВД приезжают, забирают и всё. И с концом.

01:24:24

«Расскажи про эту женщину» — что за женщина? Что за история?

Она потом приезжала в Тавангу. Расскажи про нее.

01:24:31

Это Стопка. Женя.

01:24:37

Фамилия Стопка.

01:24:39

Ага, фамилия Стопка. Женя. Они в Севастьяново или где-то там она жила. А потом мама ее жила в Средней Таванге. И она там докладывала, кто что где скажет, она ночью. А потом-то ее узнали и стали говорить, она говорит: «Мне за это деньги давали». Все были без копы, никому колхоз же не давал деньги. Она говорит: «А мне за это деньги давали». Что человека забрали, и с концом.

01:25:20

С ее помощью.

01:25:21

В Пудино была тюрьма, и в Пудино была тюрьма.

01:25:29

Тюрьма — просто дом какой-то, который использовался как тюрьма?

Где-то в милиции, где-то в подвале держали.

01:25:38

И в подвале были клетки, и тюрьма была. Просто здание тюрьмы было. За милицией стояло здание тюрьмы. Я даже это здание еще помню. Людей там не было уже, никого осужденных в нем не было, но здание это я помню.

- 01:25:55 И гоняли. И гоняли же оттуда.
- 01:25:59 Ну, этапы отсюда.
- 01:26:01 Собирали их сюда, а потом гоном. Пешком.
- 01:26:07 Колпашево. Тоже, не слышали, когда там обвалился яр, где была милиция, и трупы плыли по Оби весной?
- 01:26:17 **Эту историю я знаю теперь. Не так давно я ее узнала, но узнала.**
А у нас много свидетелей даже, кто были там, видели. Коля Комаров, он прямо видел. Они сидели на берегу, что-то сидит, поворачивается, говорит: «Смотри. Человек плывет». Весна, да ну нафиг, какой человек? Думали, что плывет, купается или что. А когда подскочили — ёпрст — а это трупы. А они были засыпаны известью, и они не разлагались, они были как мумифицированные. И плыли. Можно было узнавать даже людей. И быстро налетела милиция, всё там оцепили, всё там... Это Колшапевский Яр когда стал... «О, братушечка сидит мой, молодой, красивый».
- 01:27:13 **Дядя Саша, присаживайтесь сюда пока. Сейчас еще. Вот в этой комендатуре, где вам дали по четыре, значит, по углу, сколько вы там прожили и куда потом переехали?**
А потом то ли по ранению пришел Чаадаев. Фамилия Чаадаев. Он по ранению пришел с войны, он забрал свою семью, и уехали, и нас поселили в их домик.
- 01:27:49 **Что это был за домик? Целиком ли вам принадлежал этот дом или еще какая-то семья жила?**
Не поняла.
- 01:27:57 **И где был этот домик?**
В Средней Таванге.
- 01:28:02 **В Средней Таванге?**
В Средней.
- 01:28:04 **И это был ваш дом теперь целиком?**
Да.
- 01:28:08 **Хороший дом, нехороший дом? Какой это был дом?**
Да какой там, одностопный, даже меньше, поди, вот этого. Саша был. Мы когда жили, Саша в этом, он у нас с года был. Всегда нас летом, приезжал к нам, приводили его.

- 01:28:31 **И вы в школу из этого дома пошли?**
Да.
- 01:28:36 **В школе у вас висел портрет Сталина?**
Висел.
- 01:28:41 **Как вы к Сталину относились?**
Когда он умер, в 1953 году он умер, это я уже в Нижней Таванге училась, в 1953 году уже в старших классах, наверное в шестом или седьмом я уже училась, не знаю. Он в 1953 году умер, 7 ли марта...
- 01:29:06 **Пятого.**
Пятого, вот. А был радио[ре]продуктор в коридоре в школе. И вот таким голосом говорил человек, что Сталин умер. Вы знаете, как все мы плакали? Мы все плакали. Учителя говорили, это наш отец. А он умер. И сразу флаг, у нас в школе всегда флаг висел красный, серп и молот, и его сразу опустили. А у нас был учитель Николай Авдеевич Федоров, по физике учил, и он побежал на улицу. И мы следом за ним, он был классным руководителем нашим. И он упал на камень и этот флаг взял, так целовал его, целовал и говорит: «Спасибо тебе, Иосиф Виссарионович, что ты меня вывел в люди. Я был беспризорником, я выучился. И спасибо тебе за это». Плакали все. И вот помню хорошо, как это он так, он плакал. Целовал флаг и плакал.
- 01:30:32 **А вы плакали?**
Плакала. Мы все плакали.
- 01:30:36 **А вы относились как к отцу к Сталину или нет? Вы всё-таки... То есть вот у вас нет [отца], вы девочка, вы растете без отца. Вам Сталин отец или всё-таки вы знаете, что?..**
Ну, тогда все думали, что он самый добрый, что он добрый, и все как за отца считали.
- 01:31:03 **Принимали ли вас в пионеры?**
И в комсомоле была. В пионерии была, в 14 лет в комсомол принимали. У меня еще значки где-то есть комсомольские. А потом еще работала, так в партию хотели. Ну, дома-то приняли, надо было в Парабель ехать, а муж меня не пустил: «Еще не хватало, будешь надо мной командовать, будешь партийная, партийные люди — не простые люди. Будешь дома командовать надо мной».
- 01:31:43 **И не пустил?**
Нет.
- 01:31:47 **Как мама относилась к тому, что вы стали пионеркой?**
Ну, хорошо. Хорошо. Она уже, всё уже, мы уже прижились, чего уже? В 12 лет принимали в пионеры, 12 лет, а в 14 в комсомол. Комсомол был до 28 лет. А с 28 по выбору, который хороший или как сказать, предлагали в партию, 28 лет когда было.
- 01:32:29 **Когда вас с комендатуры сняли? Когда вам не нужно было уже ходить отмечаться? В**

каком году это произошло?

Я даже что-то и не помню даже. То ли в 1956-м или 1955-м, где-то вот так.

01:32:52

Вот в этот момент, когда сняли с комендатуры, могли ли вы куда-нибудь уехать?

Да, могли, в любое место могли, но не захотели. Тогда много уезжали, люди уезжали. Когда с комендатуры сняли, люди уезжали.

01:33:17

Почему тогда, если вы могли уехать, почему вы в это медицинское училище просто сами не поехали? Если вы можете уже уехать.

А документов нет, куда поедешь? Туда никто и не примет без документов. Документов нет.

01:33:39

Вот смотрите, в 1956 году вам 16 лет, 15. Если вы можете уехать в какой-то другой город, можете, вам, значит, могли дать документы? Или это не так?

Без документов. Убегала, я убегала. Уехала из колхоза с подружкой в Омскую область. У подружки там тетка жила, и она меня с собой взяла. Жили в деревне. Ну и она свою племянницу-то устроила на работу, а у меня никакого документа нет. Она тогда говорит: «Иди на стройку. На стройку иди, на стройке принимают без документов». Всё. Я пошла. Пошла, меня взяли. Я полгода там поработала, а мастер и говорит: «Я буду учить тебя на маляра». Он хороший, хорошо ко мне относился, такой мужик хороший был. И говорит: «У тебя есть какие документы?» А я говорю: «Вот свидетельство о рождении у меня было». Он говорит: «Пойдем в паспортный стол». Он меня повел в паспортный стол. Дал паспортистке этот документ, она посмотрела и говорит: «А ты что, шпионка? Почему у тебя два имени?» А я говорю: «Нет, я не шпионка». — «А ты откуда приехала?» Я говорю: «С Томской области». — «А чего ты там не жила?» Я говорю: «Захотела. Захотела, хотела деньги получать. Там работаю, но деньги не дают». Ну она [говорит]: «Иди в коридор». Я посидела. Он выходит, с ней поговорил, и она мне дала паспорт на три месяца. «Я сделаю запрос, кто ты такая», — она мне сказала. Три месяца прошло. Он опять меня: «Пойдем опять к ней». Она дала на шесть месяцев паспорт. Ну и ладно, шесть так шесть. Шесть месяцев, на маляра там выучилась. Он учил меня красить. Потом мы, послали нас в деревню, там построили общежитие в деревне, Жерновка называется. А нас красить, белили там и всё делали. И там я встретила парня, в этой Жерновке, и мы поженились в 1959 году. В 1959 году мы поженились и приехали сюда. Обрато я сюда с ним приехала. Вот так.

01:37:32

То есть вы с этим парнем, как его звали, парня?

Василий.

01:37:38

С Василием познакомились там, где вы, куда вы убежали, так? И у вас при этом паспорт на полгода. И вас расписали по этому паспорту? Или вы вначале не расписывались?

Не расписали, у него паспорта не было, нас не расписали. Расписались только в 1960-м. В 1960 году. А у него документа не было, и нас не расписывали.

01:38:13

А у него почему документа не было?

Потому что в колхозе, в колхозах нигде не было документов.

01:38:20

А он местный парень или он тоже из ссыльных?

Тоже ссыльный.

01:38:24

А он откуда?

С 1930-х, 1930-х годов, с Украины.

01:38:32 **С Украины откуда? Из какого города?**

Сумская область, Ульяновский район, село Анновка было. Это я хорошо помню. Вот оттуда они были сосланы, родители.

01:38:51 **Когда вы познакомились, родители его еще были живы?**

Да.

01:38:57 **Он знакомил вас с родителями?**

Знакомил. Приводил меня к ним.

01:39:04 **То, что вы полька и украинка, родители знали? То, что вы ссыльная, родители знали?**

Ну конечно, я сказала.

01:39:14 **Как они к этому отнеслись?**

Так они сами ссыльными были, чего. Ничего.

01:39:21 **На каком языке они разговаривали?**

Они на украинском говорили.

01:39:27 **И Василий ваш тоже только на украинском?**

Он по-русски говорил, а родители по-украински.

01:39:37 **Почему вы решили вернуться в Пудино, сюда?**

Он захотел. Мы приезжали сюда в отпуск, он как увидел тут леса! Там по гору ехали, там такие сосны! А у них нет, кроме осинника, никакого леса не было. Ни шиповника, ни черемухи, ни рябины, а у нас в лесу всё. Пойдешь в лес, и всё. Что-то можешь в рот взять. Он как увидел: «Боже мой, боже мой!» И что, и приехали. Поехали домой и приехали обратно, сюда.

01:40:19 **Как мама отнеслась к тому, что у вас появился мужчина, а вы не зарегистрированы?**

Она не знала, я ей не говорила, что мы не зарегистрированы. Мы в 1960 году... Сын родился у нас, и нас зарегистрировали в 1960 году.

01:40:46 **Документы дали?**

Да.

01:40:48 **В каком году вы получили документы, вот уже настоящие?**

По-настоящему? Уже здесь.

01:40:58

В каком году это было?

В шестьдесят каком-то... В 1962-м, наверное.

01:41:07

А мама в каком году получила документы?

А мама, даже не знаю, когда они тут... Когда стало паспортное место, тут же не было, ни у кого не было паспортов, а потом стали выдавать. Мама даже лишний год работала, она пошла на пенсию в 55, 55 [лет]. На пенсию пошла, пенсия была 42 рубля. Вот, 42 рубля. У нее тоже тут документы, вот этот пенсионный, 42 рубля. И она пошла... Год лишний проработала, 56 [лет], тогда ей дали паспорт.

01:42:03

Ваши первые деньги когда у вас появились? Самые первые ваши деньги, не палочки колхозные, а когда вы получили первую зарплату свою, когда это было?

На стройке получила. На стройке получила.

01:42:21

Что вы на нее купили?

Ливерную колбасу. Так охота было колбасу поесть! И купили. Мы три девчонки жили в общежитии в одной комнатке, и мы купили все ливерную колбасу. Очень вкусно казалось. Это мы 12 рублей получили. Ну, тогда всё дешево и было.

01:42:59

Какие-то девичьи наряды вы себе шили сами или у вас была какая-то знакомая портниха?

У нас мама, мама шила. Мы еще жили там в Таванге, а вот деньги — ходили дрова пилили в больницу, в клуб, в магазин. Там давали... Ну, такими пилами, ручными пилили, сами валили, кололи, складывали. Рубль двадцать [за] кубометр. Рубль двадцать. Ну, по два кубометра мы старались, трое, три девчонки. А ситец был по 70 копеек, по 80. Собирали деньги, ситец [покупали], и мама шила. У мамы была машинка «Зингер».

01:44:06

Ножная?

Нет, ручная, ручная. И она шила платья. И людям шила, но ни у кого копейку не брала, она всех обшивала, но ничего [не брала], всё так. А сейчас ничего не делают так. Вот она мне шила. Красиво шила, она всяко красиво шила.

01:44:34

С вашим мужем, Василием, вы зарегистрировались уже в 1960-е годы. А может быть, вы ходили венчаться хотя бы тайно или как-то вот в церкви?

Нет. Свадьба была по-украински. Они купили мне штапель белый, платье. Штапель покупали, кто-то шил. И вот у меня фотография есть свадебная, тут такой венок, цветы сделаны из бумаги, и фата — марля. Где-то у меня фотография есть наша свадебная. Вот они делали.

01:45:24

Надо будет найти эту фотографию. Подарки дарил?

Дарил. Белоконь приезжал. Тут была швейная в Пудино, а он привозил и продавал в контору свитера, туфли, всяко разное. До сей поры еще есть у меня, что он мне купил. Безрукавка вязаная синяя тут вышитая. А его уже 30 лет нет, 30 лет я одна.

01:46:09

Такой женский вопрос. Чулки или колготки у вас в каком году появились?

Колготки?

- 01:46:19 **Или чулки капроновые. Были такие вещи?**
Были уже в 1960-х годах. Капрон.
- 01:46:30 **Сложно было достать?**
Можно. Ну что ты будешь делать? Вот куда девалось? Всё просмотрели.
- 01:46:47
Мы посмотрим в мамином альбоме, по-моему, есть твоя фотография свадебная. У нас там дома. Мне кажется, там есть.
- 01:47:04
Ведь недавно мы еще с Любой смотрели.
- 01:47:08
Вот на стенку бы ее повесила, и она была бы на месте.
- 01:47:11
Так вот...
- 01:47:16
Да.
- 01:47:17 **Возвращаемся к истории. Вы вернулись в Пудино. Василий захотел жить здесь.**
В лесу.
- 01:47:24 **Так. Вы в каком доме поселились? И что стал делать он, кем работать, и кем вы стали работать?**
Он трактористом был. Приехали, жили у мамы. Потом стали строить дома, совхоз. Нам дали квартиру в Таванге. Ну, только коробка была, сами штукатурили, всё сами, дранковали сами, всё сами делали. Только коробка была. И начали строить где-то в марте, а 7 ноября, тогда праздник считался большой 7 ноября, мы уже перешли в свою квартиру.
- 01:48:17 **Квартира — вы имеете в виду какой-то многоквартирный дом блочный?**
Двухквартирник. Двухквартирник.
- 01:48:26 **Двухквартирник, то есть дом на две семьи?**
Был коридор, кухня, зал большой и спальня.
- 01:48:38 **Удобства, туалет, ванная?**
Нет. Нет. На улице. На улице построили туалет и свет провели там в туалет, и чтобы садиться такой, из досок, так сказать, садиться. Потом мама к нам перешла, у нас жила, я всю жизнь с мамой прожила. Всю жизнь. Она с нами. Она у нас «кассиром» была, я зарплату получила — маме дала, Вася получил — маме дал. Она нам всё, кому что надо, купит, одежду и всё. Еще умудрялась на книжку [клясть], тогда все клали на сберегательную книжку. Она у нас

«кассиром» была.

01:49:44

Вот эти деньги, которые вы клали на сберегательную книжку, вы успели их снять обратно?

Вот когда... У меня было две книжки, на одной было три тысячи, это в то время большие деньги были, их снять... Если снимаешь, то все бери, а чтобы там сколько-то — нет, а только проценты. За год проценты набегут, ты можешь их взять или обратно положить, снять и обратно положить. А одна была, тоже четыре тысячи было, там каждый месяц ты мог снять или класть, такая, простая была. А вот когда был этот переворот денег, и через сколько-то времени нам... Пропали наши все деньги, стали выдавать что-то. Вот у меня как две книжечки были, на одной четыре, на одной три. И в Кедровый ездили, и нам там давали, то 500 рублей дадут на одну... Два раза получали, а потом дали по тысяче. Мы с Люсей ездили всегда, у нее три было, она получила тысячу. И мне дают тысячу, а я говорю: «А почему мало? У меня же две книжки». — «А сколько у вас было на книжке?» Я ей говорю: «Три было и четыре». — «А вот четыре-то нету. Ищите своего почтальона, где вы на почту клали, кому вы клали, вот и ищите». А их нету. И всё. Пропали четыре [тысячи]. Я сказала, там кассирша, она говорит: «Вы не первые, что потерялись деньги, вы не первые».

01:52:18

Жалко же, слушайте, столько времени... И не получили обратно эти деньги?

Нет.

01:52:28

Заставляли ли покупать облигации?

А мы покупали облигации. Они не облигации, как они назывались?

01:52:42

Билеты государственного займа.

Вот и Васе одну давали, и мне одну. А как они назывались? Не облигации.

01:52:56

Ваучеры.

Ваучеры. Вот, ваучеры давали. А на эти ваучеры ничего не дали.

01:53:07

Вы их не...

Мы ваучеры давали тут в пенсионный в наш, но дохода, видать, никакого не было, ничего не дали. А другой ваучер аж в Москву отправляли. Мы думали, оттуда что-то будет. Ни разу. Письма высылают, что уже переизбирают комиссию, фамилии все, выберите там три или сколько-то, кого вы хотите. А чего мы хотим? Мы никого не знаем, чего мы хотим? Ну, наугад, кого хочешь, оставляй. И обратно, запечатали, и обратно отсылали. Вот и всё, и больше ничего не было.

01:54:03

Вот в этих деревнях Пудино, Таванга, Нижняя Таванга, Средняя Таванга, Таванга, где-то из этих населенных пунктов есть водопровод и канализация в домах? Или везде только...

Все с речки воду брали. Все на речке.

01:54:27

Газ где-нибудь проведен по...

Нет, вы что! Какой там! Нет.

- 01:54:44 **Когда у вас появляется первый ребенок?**
В 1960 году.
- 01:54:50 **Куда ездили рожать? Где рожали?**
Дома. Родила первого дома.
- 01:55:01 **Так хотели или так получилось?**
В больницу... Пурга была, дороги не видно было. Тогда не было же скорой. Пришлось дома родить. Бабушка принимала.
- 01:55:23
Это было в Казахстане, скажи.
- 01:55:25 **Это было в Казахстане?**
Угу.
- 01:55:28 **Как вы попали в Казахстан?**
А там какие-то знакомые Васины были и позвали. Ну вот мы и поехали туда. Там тоже он работал трактористом. И комбайнером, и трактористом работал.
- 01:55:51 **А вы кем работали?**
Я не работала. Первый год на точкѣ. Там зерна, боже, боже! Там не то что точок, на улице сыпали, прямо улицы, улицы и так пшеница, сыпет, сыпет, сыпет. И втыкали какие-то железные дудки, как зароды, чтобы воздух выходил, чтобы она не прела, не горела. Там накрывать ее нечем было. Это очень много было зерна. И я ходила туда на подработку этого зерна. А потом что-то плохо стало, стала в обморок падать. И всё, я больше не стала ходить.
- 01:56:51 **Когда вы вернулись из Казахстана обратно?**
В 1964-м.
- 01:56:56 **Почему вы вернулись?**
Ну, захотели домой, сюда.
- 01:57:03 **Там меньше платили? Или [соскучились]? Всё-таки почему поехали обратно? Почему поехали сюда, а не на Украину?**
Там у нас и нетель была, и свинья была. Держали хозяйство, должна была телка телиться. Вот ему загорелось: сюда, и всё, и всё продали. Продали эту телку, свинью закололи и приехали сюда. И тут сразу купили корову и теленка. И всё.
- 01:57:39 **И опять к маме в дом приехали?**
К маме в дом.

01:57:44

А вот со свекром и...

Мы у них мало жили. Мало. Вот когда это общежитие их отделяли, нам дали там комнату, и мы жили отдельно. А с ними мало. Месяца три, наверное, только пожили.

01:58:10

Когда вас реабилитировали и как проходил процесс реабилитации?

Ну чего, книжечки дали, да и всё.

01:58:20

Дали ли деньги какие-то?

Нет.

01:58:30

Вернули ли какие-то деньги маме за ту квартиру, откуда вас вывезли?

Как-то людям приходило, что там чего осталось, когда ссылали, то, видать, они определили стоимость всего этого и выслали. Но у нас мама сказала, что дом не наш. А там чего, вещи остались их? Может, там их не разобрали куда. Мы не интересовались и не писали, чтобы нам чего-то выслали. Нет.

01:59:15

То есть и мама не получила никаких денег?

Нет.

01:59:20

Когда вы поехали в Черновцы посмотреть этот дом, была ли с вами мама?

Нет. Мама дома была. Я была с тетей, с маминой сестрой, она там уже жила. Она меня водила показать дом этот. Но мне охота была внутрь зайти, посмотреть. Но она сказала нет.

01:59:48

А мама ни разу на родину не ездила?

Ездила. Она ездила уже на похороны. Ее сестра, вот с которой я ходила, умерла. И тоже с сердцем. Она работала на кондитерской фабрике, работала. Приехала утром на работу, стала переодеваться, халатик белый одела — и всё, и повалилась. Вызвали там скорую и ничего сделать не смогли. Умерла. Вот, сердце. И мама ездила с Люсей, с Сашиной мамой, с сестрой моей. Они ездили на похороны.

02:00:40

Сколько всего детей у вас? Сколько вы родили детей? Ваших детей сколько?

У меня? У меня трое.

02:00:50

Назовите их, пожалуйста.

Костик. Сережа был, умер, 20... Ой, 50, 56 лет было, умер. Четыре года в марте было, как умер. И Оля, дочь. Два сына было и вот, Оля. Костик сейчас работает на вахте. Он старший, ему 63. Он работает еще.

02:01:30

Родители мужа уехали, когда можно было, на Украину? Или так и остались здесь?

Нет, нет, они остались. Они то ли в 1929-м, то ли в 1930 году были сосланы, и там и жили они в доме, что там жил помещик. Не жил, а это помещика была кухня и столовая. У них была кухня и зал. Тут, говорит, они варили, рабочих кормили, у помещика были, люди работали. Тогда помещиками называли, сейчас-то как они называются, культурно. И вот там они... Столовая. Вот они в этом доме жили. Крыто было железом. Я еще поинтересовалась и говорю: «Где это

вы жили?» А она всё: «Василь, Василь». Они по-украински все разговаривают. «А это вот Василь тут родился. Это помещика дом. Тут столовая была у него». То ли они захватили, то ли чего, не знаю.

02:02:56

Ваши дети говорят на украинском или польском языках?

Нет, нет, нет. Все по-русски. Все.

02:03:08

По национальности они считаются кем?

Русскими, наверное. Сейчас, я говорю, в паспорте же нет национальности.

02:03:22

В паспорте нет, но в свидетельстве о рождении пишется. У вас написано, что вы украинка. У мужа было написано, что он украинец. А у детей...

Значит, и они тоже. Не знаю. Никто не спрашивает, какая твоя национальность. Меня спрашивают, почему два имени, почему.

02:04:03

Вот у вас икона стоит католическая. Как она появилась в доме, когда появилась? Вот католическая икона у вас?

Это вот, это я купила. В Пудино был книжный магазин давно, давно, и я купила, и вот в пленочку, поставила.

02:04:31

Ездите ли вы в католический какой-нибудь храм?

Вот когда мы в Черновцы ездили, я с мужем ездила в Черновцы, и его тетя, мамина сестра, нас водила в католическую церковь. Там интересно. Там сидят, все сидячие места. И мы как зашли, я не знаю, как они поняли, что они уступили нам место. Мы сели. И там орган играл, музыка. Ой, за душу берет прямо, за душу берет! И так в стороне нас водили, показывали, потому что из Сибири приехали. Вот такая, как детская, коечка, как детская коечка, и там положено было сено. И сказали, что в такой коечке родился Иисус Христос. Так нам сказали, что он родился в яслях, где-то в яслях, в кормушке, как сказать, что он там родился. В церкви, что и сено постелено было, что он родился в таком месте.

02:06:04

Были ли вы когда-нибудь за границей, в Польше?

Нет. Я не была.

02:06:13

Вы могли бы каждую фотографию брать и просто рассказывать, кто на ней, что и когда это было снято? Сможете?

Да я не знаю. С какой начнем?

02:06:35

С какой? Сейчас от вас Денис Анатольевич отойдет.

И отец тут тоже вот. Вот он, лежат. Вот это мой отец. Вот это моя мама. Это дедушка, папин папа. Вот это дедушка. А вот Рудольф, старший. Ну сколько ему, год, наверное, тут. А он с 1929-го. Вот когда эта фотография была снята? Наверное, в 1928-м. Да?

02:07:21

Вот удивительно всё-таки. Людям дали три часа на сборы, и они успевают забрать семейные такие важные вещи.

А эти фотографии — это высылали уже, когда письма писали, так оттуда высылали

фотографии. У нас с собой фотографий не было.

02:07:40

А сами письма сохранились оттуда?

Нет. Вот бабушка его держит, что умерла в Средней Таванге. Вот она бабушка. А это вот Ядвига, мамина сестра, ей было 18 лет. А это что? Колхозные? Ой, батюшки мои! Это на поле убирали что-то тут.

02:08:31

А это колхоз ваш или...

Это тавангинский. Это не среднетавангинский. О! Я сижу какая! Все молодые. Молодые все на поле. А это не знаю, что тут. Вот мама ездила в Черновцы, они когда ездили, вот она, когда они ездили на похороны, вот она. И тут... Тогда, знаете, на вокзале в Москве долго стояли, поездка ждали на Черновцы. Так объявляли: «Пожалуйста, кто хочет поехать по местам» — по каким-то там, по красивым. Ну, ездили, все сели на автобус, и возили, всё показывали, достопримечательности, в Москве где что было. И вот тут они, видать, тут церкви. Да?

02:10:02

Да, да.

Вот тоже.

02:10:07

Ну, вот это мама на Красной площади. Это Москва, Красная площадь.

Да.

02:10:11

А есть ли фотография мамы в Черновцах, когда она туда приехала? Ну, раз она приехала в Черновцы, нет ли фотографии мамы там уже, по приезду? Нету?

Это вот тоже наши. Вот свекровка, Пономаренко. Это мы были в гостях. Вот мой Вася. Вот я, это внучка их. Это ее дочь. А это моя Оля. Большая уже. Кто-то что-то начеркал. Но мне интересно, куда фотография моя девалась.

02:11:19

А вот на этой свадебной фотографии, которую мы будем еще [искать], может, еще здесь, вдруг найдется, гостей много было на свадьбе? Гости были на свадьбе?

Гости? Были. Делали брагу, тогда была брага, денег-то не было, чтобы что-то купить. И помогали. Вот его родители делали флягу браги, и его друг делал брагу. А когда друг женился, тогда они помогали тоже. И они помогали друг другу. Да, были гости. Я говорю, два стакана браги выпьют и поют, поют, поют, поют.

02:12:11

А мама пела какие-нибудь песни?

Ой, она от горя пела. Вот сидят за столом с сестрой Ядвигой. Голый [стол], ни клеенки, ни скатерки, ничего не было. Голый сразу вот. Сидят и поют. Отец, мама говорила, любил песню «Хмель». «Ой, ты хмелю, хмелю», украинскую. Вот они сидят и поют, а сами плачут, плачут. А потом пели «Чому ж я не сокіл, чому ж не літаю». А я себе думаю, они думают: были бы птичками, они бы улетели домой, туда. Пели. Пели песни, такие жалобные песни пели. Поют и плачут.

02:13:20

А вы помните эту песню про хмель? Могли бы спеть?

Помню.

02:13:23

Спойте, пожалуйста.

[ин. яз.] «Ой, ты хмелю, хмелю, хмелю зэлэнький. Дэ ж ты, хмелю, зиму зимував, тай не развивался? Зимовал я зиму, зимовал я другу, зимовал я [нрзб], тай не развивался. Ой, ты сыну, сыну, сыну молоденький. Дэ ж ты, сыну, ночку ночевал, тай не разувался? Ночевал я ночку, ночевал я другу, ночевал я у той у вдовыци, что сватать я буду». Вот такая.

02:14:57

Браво! Браво, это очень хорошо.

Бурные продолжительные аплодисменты.

02:15:04

Мы можем еще. Это было очень хорошо! Теть Дусь, а еще вот дальше по фотографиям. Рассказывайте, кто что есть. Кто это, что это, когда снято?

Тут и наша тавангинская молодежь. Это было 8 марта, гуляли у нас. Вот тут и мама, вот Вася, вот тут и подруги. Это мы 8 марта. Ну, не знаю, конечно, какого года, но гуляли у нас.

02:15:40

А вы еще разочек себя можете показать? Где вы здесь, на этой фотографии?

Вот.

02:15:51

А играет Вася, да?

А играет — это сосед наш, Иван Левченко. А вот мой Вася, вот он. А это Левченко, он играл на гармошке.

02:16:11

Следующую фотографию.

Это... Мелкота. Это на сеноуборке. Мы сено убирали на поле. И что надо? Всё равно тут уже не это...

02:16:29

Себя хотя бы найдите. Где вы?

Ой, все маленькие. Вот я. Мама сшила платье. Вот.

02:16:51

А мама только платье шила? Или могла костюм сшить?

Нет, костюмы она не шила. Платья шила, блузки, юбки. А платье, ой... Широкие надо, платье-солнце. Подол такой, вот такой подол. То 12 клиньев, то 9 клиньев, а то солнце — вот такое вот круглое. Вот такое это платье. О-о-о! Шила красиво. У меня сейчас еще платье есть, я ношу ее платье.

02:17:33

Как с фотографиями закончим, я попрошу вас показать две вещи: вот этот вот жакет вязаный, который муж подарил, и платье мамино. Но мы еще с фотографиями поговорим.

Ну как вас интересует?

02:17:51

А меня все фотографии, которые я положила на стол, все они интересуют.

Вот это — это интернат, мои дети тут учились. Интернат.

- 02:18:07 **А как получилось?**
Четвертый, вот по десятый класс. 1974 год.
- 02:18:13 **А почему они оказались в интернате? Как получилось?**
А, потому что у нас школа... Саша, в Таванге чего школа была? До сколько?
- 02:18:27
Четыре класса.
- 02:18:28
А?
- 02:18:29 **Четыре класса.**
Это в Пудино. В Пудино, интернат в Пудино. 1974 год, вот подписано. Вот сколько детей было.
- 02:18:42
Они, наверное, после восьмилетки, да, тетя Тоня? А, тетя Тоня?
- 02:18:46
А?
- 02:18:47
Они ж, наверное, после восьми классов там уже учились, девятый и десятый.
- 02:18:52
А у нас тогда школу, наверное, закрыли.
- 02:18:55
Нет, восьмилетка ж, наверное, была.
- 02:18:58
Ну.
- 02:18:58
Ну.
- 02:19:03 **Дядь Саша, а здесь есть какой-нибудь клуб или кинотеатр? Или что-то такое?**
Нас благополучно уничтожает город. Благополучно. У них это получается. Закрыли сначала больницу. Сделали нам какую-то забегаловку, где собралось 10 человек, ни раздеться, ни разойтись, ничего. Потом клуб благополучно наш закрыли и уничтожили. Сказали: «Мы вам новый построим». По сей день нету ничего. Есть изба-читальня, изба-читальня. Клуба нет. Никакого кинозала нет. Да и в кинозалы люди как-то ходить перестали. Появились телевизоры, все стали сидеть дома. Вот так вот. Так и живем. Эх, Иван Григорьевич, какой!

- 02:20:04 Я говорю, хоть маленькие деревни, но вот, считай, Рогалево, Таванга, Лушниково, Калининск, Пудино, Останино — вот шесть деревень, а клуба нет. Раньше в каждой деревне, при колхозе в каждой деревне был клуб. Сейчас нет ничего. Что-то там ремонтируют сейчас. Может, сцену сделают.
- 02:20:33 Да какой это клуб? Изба-читальня.
- 02:20:38 Обещали-обещали, «будем строить, будем строить», каждый год. Всё перекладывали, перекладывали.
- 02:20:48 А теперь честно сказали: «Не ждите».
- 02:20:50 А теперь всё.
- 02:20:52 «Не ждите».
- 02:20:55 **Мы еще не закончили про фотографии. Подождите, вот про это проговорили, это я поняла. Вот кто это, что это, когда это?**
Это уже старое-престарое. Вот Петр Лазаревич, это...
- 02:21:28 Управляющий был отделением, тавангинским.
- 02:21:31 Да, тавангинское отделение. Вот мой Вася. Ну это Блинов. А это...
- 02:21:37 Это Окунев, по-моему, Филипп Иванович. Не он?
- 02:21:42 Это Илья.
- 02:21:43 Или не он?
- 02:21:44 Илья. А это Окунев.
- 02:21:48 Ну я говорю, Окунев. А это Тюгайкин Илья, да?

- 02:21:51 Да.
- 02:21:53 **Когда вы говорите «управляющий», это что значит? Председатель колхоза? Или кто это?**
Нет, когда был совхоз, было пять отделений совхоза, в каждом был директор совхоза, была контора, было много всех специалистов, это в Пудино. А на отделениях главным был управляющий отделения и бригадир отделения. И соответственно, был зоотехник, был ветврач на отделениях. Четыре человека. Зоотехник... 1957-й...
- 02:22:32 1957 год, Таванга. Это наша молодежь, мы выступали, это мы на сцене, 1957 год.
- 02:22:43 **А где вы здесь?**
А я в белом платье.
- 02:22:47 **Мама шила или покупали?**
Мама шила.
- 02:22:51 **Что пели в это время, помните? На сцене.**
Кто здесь?
- 02:22:57 **Что пели?**
А, что пели? Нет, не знаю. Все песни пели. Не знаю. Но вот на сцене. Тогда же плакаты были, написано, но уже не видать. Плакаты же были везде. 1957 год, Советский Союз.
- 02:23:28 **Вы были рады, когда Союз развалился?**
Да ну, вы что! Никто рад не был.
- 02:23:38 **Почему?**
Ну а что сделали-то? Ни работы людям не стало... Работы же не стало. Всё позакрывали, всё поразвалили. У нас что было в Пудино, построены Советским Союзом дома, детский сад такой был, милиция была такая, клуб, больница. Аптека вон какая. Ни единого дома нету, всё сровняли. Всё. А новых-то не построили ничего.
- 02:24:17 **Вопрос такой, нехороший. Ну вот в Черновцах, вы когда туда ездили, если бы вы остались там, это же была другая жизнь, которая была более цивилизованная.**
Тогда другая была жизнь, когда мы там жили. А потом кто его знает, как там жилось?
- 02:24:42 **Ну вот сестра, которая там, она довольна этой жизнью своей? Дети там, вы общаетесь, вы переписываетесь между собой как-то или все контакты прекратились вообще?**
А там никого нет у нас.

- 02:24:55 **Всё. Расскажите мне про себя вот здесь. Это же вы?**
Я.
- 02:25:09 **Покажите на камеру эту фотографию.**
1983 год.
- 02:25:19
Какой?
- 02:25:19 **Это не может быть 1983 год.**
Ну так написано.
- 02:25:22 **Если 1983 год, это кто-то из детей.**
Нет, значит, это, может, ты ее на пересъемку давала? 16 лет, написано, ты здесь.
- 02:25:34
16 лет.
- 02:25:34
Это ты ее давала, наверное, переснять. На портрет, может быть.
- 02:25:44
Все?
- 02:25:44
Да. Но в 16 лет тебя не может тут быть. Вернее, в 1983 году тебе было чуть побольше.
- 02:25:54
Это точно.
- 02:25:56
Чуть было побольше.
- 02:25:59 **Кто это, что это, где это?**
Это я, муж и старший сынок Костик. Это в Таванге.
- 02:26:12 **Когда вы сказали, что у вас все Костики, кто еще у вас в семье Костик?**
Папа мой Костик.
- 02:26:22 **Раз.**
Умер маленький Костик.

- 02:26:25 **Два.**
Два. У меня сын Костик.
- 02:26:30 **Три.**
Внук. Не внук, уже правнук Костик.
- 02:26:34 **Четыре.**
И племянник Костик.
- 02:26:37 **Пять.**
Пять?
- 02:26:39 **Пять.**
Больше нету?
- 02:26:42 **Пока получилось пять. Дальше, может быть, тоже будет так же.**
И все Костики.
- 02:26:48 **А муж не был против? Ну вы же в честь отца называли Константином, правда? Так?**
Это он назвал Костиком, муж назвал. Пошел его регистрировать: «Дома посоветовались, Славой назовем. Ну, пойду в сельский совет зарегистрирую его». Приходит и приносит свидетельство о рождении — Костик. Я говорю: «А почему?» — «Ну, у тебя же папы нету. Мой папа живой, а у тебя нету. Вот думал-думал, и в честь твоего папы назовем». Вот и назвал.
- 02:27:32 **По-моему, у вас очень хороший муж был. По-моему, это хорошее, правильное решение.**
Хороший.
- 02:27:43 **Кто это, что это, где это?**
А это... Исилькуль, мы ездили в гости. Омская область. Исилькуль, я не знаю, то ли он Казахстану относится, то ли он к Омской области, я не знаю. Вот это вот... Свекровка дочь там жила. Мы ездили к ним в гости. Вот это Вася мой. Вот я и вот моя Оля. Это свекровка. Это в Исилькуле мы были. Не знаю, кто тут что понаписал.
- 02:28:25 **Так, это кто, это где, это что?**
А это управляющий тавангинский, Петр Лазаревич. Это мой Вася. Это вот Блинов. А это бухгалтер. У нас Волков бухгалтером был, да, Саша?
- 02:28:47
Нет.

- 02:28:49 А? Да, бухгалтером был.
- 02:28:53 Кладовщиком маленько, [нрзб].
- 02:28:58 **Две подружки кто?**
Ага, это я и Тина. Тина Зарижа. Мы вместе ходили в школу. Вот, 1955-й.
- 02:29:10 **Тина Зарижа, что за странная фамилия? Кто она была, откуда?**
Зарижа — молдаване, они молдаване. Они сосланы были тоже в 1941 году. У них мама не говорила по-русски. Она не хотела говорить. Она только по-молдавски. А вот с Тиной мы жили до 20 лет вместе. Потом она уехала в Томск, там поступила на работу, познакомилась с парнем, вышла замуж за военного. И их распределяли, то там, то там он. По городам ездили. И тут вот я... Шура Кибак нашла ее где-то у кого-то, добыла ее номер телефона, вот этой Тины, и ей позвонила. И она говорит: «А я сейчас в Иркутске. Я одинокая». Что с мужем случилось, не знаю. «Но вас я не помню». Она говорит: «А Маланчук ты помнишь? — Моя девичья фамилия Маланчук. — Вы же вместе всегда были. И работали еще вместе». А она говорит: «Нет, не помню». Я думаю, она не хочет знаясь. Почему? Мы помним, а она нас не помнит.
- 02:30:48 **Я уверена, что она боится говорить по телефону.**
А, может быть.
- 02:30:55 **Я уверена, что сейчас люди взрослые так напуганы звонками мошенническими по телефону, что они на всё говорят «не знаю, не помню» и вешают трубку. Это совсем другое дело. Это не имеет никакого отношения к тому, что она...**
Вот она говорит: «Я вас не знаю, я не помню».
- 02:31:22 **Поэтому так, она просто боится говорить.**
Может быть.
- 02:31:27 **Надо узнать и письмо просто ей написать. Обычное письмо по почте отправить. Перефотографировать вот фотокарточку и отправить ей письмо.**
В письмо. Вот эту вот.
- 02:31:45 **Ну конечно, так и нужно сделать.**
Ой, это я в школе. Это что? Маланчук. 17 января.
- 02:32:05 **День рождения... Саша, вы же 17 января родились? Саша ушел.**
Это шестой класс. Вот это вот я.
- 02:32:22 **Вот эта вот девочка? А вы можете вот по этому классу посмотреть и сказать, сколько здесь ссыльных детей? Кто здесь был ссыльным из этих детей?**
Все местные. Вот это вот Гладкова. Они были не ссыльные, а они сами сюда бежали. То ли

тогда колхозы, наверное, организовывались. И они бежали сюда и жили в Кузнецово. Вот это ее сестра. Она, вот эта-то умерла. Ее сестра в Пудино живет. Шура Кибак. И она говорила, что на телеге — и пешком, и на телеге, и через болото. Это надо было через болото. С Курганской области они. С Кургана. И жили в Кузнецово. А это все местные дети.

02:33:58

Кто это, что это, где это?

Это мой Сережа. Вот умер четыре года назад. С армии пришел. Это его жена. Это я, это мама, это Оля. Дочка моя. Он на границе служил. На Сахалине.

02:34:31

Внуки уехали отсюда? Или живут здесь ваши внуки?

Внуки? Ой, и уехали. Две внучки в Томске живут. И дочка вот тоже в Томске. Одна внучка, 22 года, родила двойню. Вот свадьба ее. Ей 22 года. Двойню родила, уже по второму году им. Двойняшкам.

02:35:04

Мальчики, девочки?

Девочка и мальчик.

02:35:08

О! Как зовут?

Василиса и Матвей.

02:35:13

Красота!

А это старшая внучка. Вот это. Сережина дочка. Вот что служил. У нее два мальчика. У нее Володя и Гоша. Георгий. Это тоже я такая страшная.

02:35:38

Покажите на камеру.

Да такая страшная.

02:35:43

Очень красивая. Очень красивая женщина.

Нет.

02:35:51

Так. В каком это году, не подписано?

Нет.

02:35:55

В каком это году примерно?

Это на ферме я работала. Одета по-фермерски.

02:36:05

Это?

Ой. А это тоже где-то... Где-то... Где-то гулянка. Вот это мой муж. Вот это жители. Это управляющий наш. А это вот Кибак, что я говорила, Шура, это ее муж. А это тоже ссыльный. Он 20 лет просидел в тюрьме, и потом на исправительное послали к нам в деревню. Вот этот вот. А это он держит мою Олю. Вот эту вот маленькую.

- 02:36:50 **А за что сидел?**
За убийство.
- 02:36:57 **Кого убил?**
1970-й год. Побережний фамилия его.
- 02:37:11 **Кого он убил?**
А он не у нас, он где-то убил.
- 02:37:15 **Кого?**
Ну, кто знает кого. А с тюрьмы-то его прислали на поселение к нам.
- 02:37:28 **Что это за дети?**
Это мои племянники, Саша, Володя. А это мой Костик.
- 02:37:43 **Саша — это вот тот Саша, с которым мы сейчас к вам пришли?**
Нет, нет. Это моего мужа племянники, моего. С его стороны племянники.
- 02:38:02 **А это что за дети?**
А эти вот — Сережа мой, что в армии служил. Он тоже кудрявый. Кудрявый был. А это Оля Левченко. Они в садик вместе ходили. Вот это наша молодежь. Вы знаете, в Таванге мы всегда... Все праздники гуляли на берегу речки. Все праздники летние, 9 Мая и конец посевной, конец уборочной — всегда были праздники, и мы все гуляли. Вот это тоже вся наша молодежь.
- 02:39:03 **Покажите мне себя здесь, пожалуйста.**
Вот.
- 02:39:15 **Опять в белом платье.**
Опять в белом платье, ага. Дружно жили, всегда выступали. Мы всегда выступали. И мой муж тоже всегда выступал. Всегда на репетицию ходили. Вот тоже это мы с ним. А это с Дерешево, от Таванги километр, деревня была Дерешево. Сейчас нету, заросла уже. Вот это вот люди все из Дерешево. Они ходили к нам в клуб. В кино ходили, смотрели. У нас клуб большой был, большой, тоже на берегу стоял. Ой, какой хороший! Какое крыльцо было, высокое, красивое! Даже в Пудино не было такого клуба, как был у нас клуб. Очень хороший. Была сцена. Была гримировочная. И плюшевая... Задерживалась сцена. Плюшевая, плюшевая была занавеска. Всё красиво. Всё красиво было. И все выступали. А это мы на сеноуборке. Сено убирали, 1965 год, вручную, тогда же не тюковали, не было. Вручную скирды метали, а женщины с граблями подскребали, чтобы сена не оставалось не дай бог. Приедет бригадир. Вот так по полю. Насобирали — перескести всё поле. Идем перескребать всё поле. Не дай бог, чтобы где-то клочок был сена. Боже! Так убирали. Всё руками и на лошадях. Кучки делали. Волокуши возили на лошадях к скирде — и сметывали, мужики у скирды стоят и мечут. Один наверху. Всё руками. А потом уже когда... Когда тюковать в Таванге начал мой сын, Костик, управляющий говорит... Пришли мы в контору, он говорит: «Девки, [хотите] посмотреть, как Костик тюкует? Садитесь в трактор». Мы все в тележку. Повез нас на поле. А какой грохот! Когда тюк выпадывает, «дум-дум-дум» делает, такой грохот делается. Боже мой! Да как он там сам вяжется, да господи! Мы не могли понять и думали: «Боже, мы без работы остались».

Теперь будут тюковать, а сено-то убирать мы уже не будем вручную. Нам работы не будет». Вот горевали, что нам работы не будет.

02:43:07

Оп, эту мы фотографию... Нет, еще про нее не говорили.

Ну вот это вот, я и говорю, это 8 марта у нас было. Вот это мамина сестра, что на Украину уехала, и я с ней ходила дом свой смотреть. Она дояркой работала в Таванге. А потом уехала на Украину.

02:43:43

Я правильно запомнила, что ее Ядвига звали?

Ядвига. Вот, а это мы в Казахстане. Вот он. Вот он мой. Он обучал вот этого парня трактористом быть. Обучал его прямо на работе. Это тоже он у трактора. И это мы с ним. Тоже это в деревне, возле магазина где-то фотографировались.

02:44:29

А перед замужеством он красиво ухаживал?

Красиво. Ну, тогда не принято было ничего дарить. Да где чего было брать, чтобы что-то дарить? Он тоже в колхозе жил. Его родители тоже в колхозе в Томской области. Там тоже деньги, ничего не давали. Его мать, свекровка моя, она пекла хлеб. Говорили: интеллигенция. Для интеллигенции. Это там и председателю, и бухгалтеру, и учителям. Это называлось интеллигенцией. Вот им продавали хлеб. А простому рабочему нет. И она пекла булки такие, круглые, большие в русской печке. Истопит, угли уберет, в загнетку сгребет, веником намочит, всё там прогладит. И прямо на [нрзб], лопату деревянную. Так вот. И не прилипало к лопате, она раз и туда. И вот она четыре булки пекла за раз. Они только появились в 1964-м, совхоз когда стал... В 1964 году стал совхоз. Вот тогда вот они. А то вот считайте, с 1941 года и до 1964 года копейку не получать. Как жить? Ну, держали скотину, сдавали. Теленка вырастили — и сдавали. Государству сдавали. Вот что за теленка выручишь, надо было чего-то одеваться. Зимой надо валенки. В фуфайках, всегда в фуфайках ходили.

02:46:51

А я вот учу польский язык, мне очень нравится.

Это я на паспорт фотографировалась. Вот. Это тут 45 [лет]. В 45 меняли последний раз паспорта. Вот мне тут было 45.

02:47:17

Это?

Ну, вот это интернат.

02:47:20

А, да. Всё, это поняла

Ну вот это его родители.

02:47:27

А представьте их, пожалуйста. Как звали свекра и как звали свекровь. Фамилия, имя, отчество просто.

Харитина Филипповна.

02:47:39

Харитина?

Харитина Филипповна. Григорий Кузьмич.

02:47:47

А в жизни как звали Харитину? Ну, как?..

Он ее Харитина и звал, Харитина. И она Грицько. Она его называла Грицько. А он, когда праздник, что, выпить. И вот болеет, болеет. «Филипповна, — он ее звал Филипповна. — Иди в магазин, четушку попроси. Похмелиться, четушку попроси». Ну, она... Ей платили за хлеб, она возьмет ему четушку. А она говорит: «Ага, ага, вчера стребал, стребал, — плясал. — Вчера стребал, а сегодня “Филиповна, дай”». Ой, а пел как! Пел по-украински. У меня не было отца, так я его сразу «папка». Папой не называли, а называли его дети всегда «папка» почему-то. Ну, я, глядя на них, тоже всё «папка». А вот ее я долго не могла назвать мамой. Долго. Строгая была. А он тоже вот так лег спать, а она потом это письмо писала, говорит, встала утром оправляться, оправилась, он всё спит и спит. «Грицько, вставай, вставай, Грицько». А он мертвый. А он умер так, лежа.

02:49:50

Но это же красивая смерть, легкая.

Легкая. Никому не досаждал, не лежал.

02:49:59

Сам не мучился и людей не мучил. Где это, что это?

А это на Новый год, это я вот. Вот это. В костюме. А это подружка. Юля. Царевна. А я за парня. Вот это племянница моя. Сашина сестра Зина. Это свадебные, на свадьбу приглашали. Свадебные. А это ее муж. Ну, они что-то разошлись, не знаю чего. Ну, вот это тоже. Это до свадьбы еще. Мы еще не... Дружили. Дружили еще.

02:51:11

Слушайте, вы как-то очень мало дружили. Если вы в марте познакомились. И в марте же уже свадьба была. Да еще вы успели сфотографироваться. В кино сходить по 20 копеек один раз.

Только я работала на стройке. А он работал в колхозе. И вот в воскресенье выходной, он приезжал. 25 километров было. И он приезжал. Ну, день ходили мы, фотографии там, фотографировались с ним ходили. А вечером обратно уезжал, потому что утром надо на работу. А тут год написано какой, наверное?

02:52:01

Год, написано, 1959-й. 15 марта, написано.

О, а 28 марта 1959-го у нас свадьба была.

02:52:16

Что за дети?

Это тоже племянники. Это все племянники с Васиной стороны. Вот мой Сережа. А это его племянники.

02:52:35

Это кто, что?

Вот это моего Кости, что он сейчас на вахте работает, его жена. Она умерла тоже четыре года назад. Это ее сестра, Оля. Жена Сережи моего была. Она умерла тоже, 32 года, 32 года ей было, она умерла. А это их брат. А это Сережа маленький. Ой, вру. Кто это маленький-то? Вот это Инна. Вот это их дочка. Она на руках ее держит. Одни мужики. Где они собрались? Управляющий, уже такая была, наверное.

02:53:52

Другая была. Может, управляющий тот же, а сама фотография другая была.

Вот мой муж. Вот этот самый, что я вам говорила, 20 лет на исправительные к нам. Вот он. А это Левченко Иван вот в фуражке.

02:54:14

А вот с близнецами там кто?

А это садик. В садике. Ой, какие малыши, какие маленькие! Боже, боже, боже, боже, боже! Что-то я Костика не вижу. Вот Сережа мой, что, я вам говорила, служил на Сахалине. Вот это он. А это двойняшки Шуры Кибак. Девочка и мальчик, двойняшки. Вот это нянька. А вот мой Костик, его только глаза вот. В садике они были. Вот Шура Кибак, она заведующая детского сада была. Эта поваром была, Маша. И в садике-то было, больше 30 детей было. Много детей было. Вот у Биженари, у нас жили тоже молдаване сосланные, у них было 14 детей, 14 детей было. Так он работал на ферме, навоз возили, плетеный короб был, вот такой плетеный на санях. И он навоз вывезет, вычистит, сена накидает. Подъезжал к дому, тулуп расстелит, их всех скидает и повез в садик. А потом они уехали. Уехали с такой семьей, они уехали. И там еще трех родили. У них было 17 детей.

02:56:24

Большая семья. Хорошо пустила корни. Крепкая семья.

И она дояркой [работала]. Она родит, месяц дома побыла — всё. А в месяц уже в ясли. Месяц ребенку — в ясли. Мать ходила в обед кормить, грудь давала. И она дояркой всегда работала. Вот сколько детей, она всегда... Они, говорит, сами себя кормят. Уже старше начали варить. Сами себе. Ой, Господи Иисусе! Это вот я, а это Инна. Это моя Оля. А это Люда, внучка моя.

02:57:29

Так. Эта?

Ну, это я со своими ребятами. Еще Оли не было. Костик 1960 года. А Сережа 1962-го.

02:57:47

Погодки?

Два года разница.

02:57:51

Значит, в Казахстане только Костя родился, да?

Оба. И этот родился. У них метрики по-казахски написаны. Одна сторона по-казахски, другая по-русски. Закрывалась книжечка. По-казахски, а тут перевод по-русски.

02:58:16

И вот это кто? Чья свадьба, кто гуляет?

А это на свадьбе мы. Вот мой муж держит петуха, он свадьбу принес петуха. Петуха в руке держит. Ну, это я, конечно. Это Люба Михайлова. Вот она замуж выходит. Вот ее муж. Жених ее, Коля. А это тоже моя подруга. Это Галя Буркина. Это Дорохов Сережа, ее сын, Юли. Это сноха их, замужем за ним была. А это Лена, тоже внучка их. На свадьбе. Вот, всё.

02:59:14

Нет, не всё. Вот эту фотографию — папа с мамой — эту фотографию тоже вам прислали?

Прислали. Прислали, маленькая была фотография. Маленькая. А мой брат, что в Осипово жил, он сделал нам всем. Вот у Саши есть тоже и у нас, и он себе сделал вот такие фотографии.

02:59:42

Когда прислали эту фотографию? Мама еще...

Ну, уже когда разрешили письма. А то сразу же не разрешали. А потом проверяли их. А уже когда свободно уже стало, тогда прислали.

02:59:58

Мама на стенку повесила эту фотографию?

Нет.

- 02:00:04 **Нет?**
- Она уже пожелтела от старости. Я думала, что надо перефотографировать. Может, она будет белая? Лучше будет, да, выглядеть? Или не надо? Рамку не могу найти. Носила фотографии в Пудино по магазинам. Рамку не могла найти, чтобы в рамку.
- 03:00:52 **Пожалуйста...**
- Мама говорила, ей тут 28 лет. Вот тут и...
- 03:01:02 **Пожалуйста, спойте что-нибудь еще. Очень вас прошу. Мы почти закончили.**
- Что-то не хочется. Любую?
- 03:01:32 **Может, мамину? Может, папину. Ну папину, папину вы не знаете. Ну может, мама говорила, что папа эту песню любит.**
- Они пели всё по-украински. Пели песни по-украински, не по-русски, украинские песни пели. А мне тогда и в ум не приходило. Сейчас думаю: чего я с ними не пела?
- 03:02:02 **Такой голос красивый.**
- Они поют и плачут. Вот мне диво, куда моя фотография девалась. Интересно прямо. Всё просмотрели, все альбомы, всё. Ничего нету. Куда могла деться?
- 03:02:42 **Ну знаете, бывает такое, что кто-то не хочет сниматься. Бывает такое. Может, она... Ей, может, не хочется. А если найдете, мы же еще здесь несколько дней будем, то скажите просто Саше, что нашлась фотография. Мы ее снимем отдельно. Я хотела попросить вас еще: покажите, пожалуйста, вот это мамино платье, что она сшила, и кофту, которую муж дарил. Я всё за вами буду ходить, не волнуйтесь.**
- Саша, ты ушел?
- 03:03:15 **Саши нету, он устал от нас.**
- Может, я, знаете, фотографию куда дела? Даже... Может, я дала под рамку делать? Вот не знаю, куда девалась. О!
- 03:03:40 **Так, сейчас-сейчас-сейчас. Сейчас-сейчас-сейчас. И вы мне про это платье скажите. Это мама носила это платье? Или сшила только его?**
- Я его ношу. Вот ему уже 30 с лишним лет, этому платью.
- 03:04:04 **Мужнину кофту еще, подарок, хочу увидеть.**
- Ага, ага. Это в шифоньере его кофта.
- 03:04:14 **Сняли, можно, можно убирать платье. А мама крестик носила?**
- Носила.
- 03:04:33 **А хоронили с крестиком или сняли крестик?**

Нет, хоронили с крестиком.

03:04:39

А в чем хоронили маму?

У нее было черное платье, белый воротник и [неразборчиво] тут белые. Вот только зачем-то одели платок, она в жизни платок не носила. Она не любила платки. А я тоже не люблю, всегда с голой головой хожу. А похоронили — одели, она совсем даже не похожа стала на себя. Ну, говорят, надо в платке хоронить, не знаю.

03:05:17

Ну, это просто по-православному хоронят в платке. Она же не была православной, она же католичка была. Можно было и без платка. А вот этот наряд похоронный мама сама приготовила?

Сама. Она сказала, если... Она и давно это платье приготовила и говорила: «Если я не влезу, так распорите где-нибудь бок, но всё равно мне его оденьте». Ну, не порол ничего. Она такая, как я. Я не поправляюсь, всё на уровне. Ой, ой, господи! Еще надо, думаете... Это, знаете, тут надо искать. Кто его знает, куда я его положила.

03:06:34

Ну, если не найдется, не страшно. Мамино платье у нас есть, это важнее.

Нашла. Вот. Вышито. Ой, сколько лет уже! Одеваю белую кофту или красную кофту — и сверху его. Вот.

03:07:06

Это очень красиво. Похоже на украинскую вышиванку. Есть такое?

Да.

03:07:17

Похоже. Подождите-подождите, не убирайте далеко. Мне кажется, Денис Анатольевич это не очень хорошо снял. Сейчас мы попросим вас. Можно вот на стул?

Конечно.

03:07:35

Еще раз присядьте туда, пожалуйста. Не устали вы от нас? Уже скоро закончим. Устали?

Да нет.

03:07:53

Так. Сейчас-сейчас-сейчас. Сейчас-сейчас-сейчас.

Воротник надо наверх. И вот так вот. Красиво надо.

03:08:35

Да. Да, это очень красиво. Красота неземная.